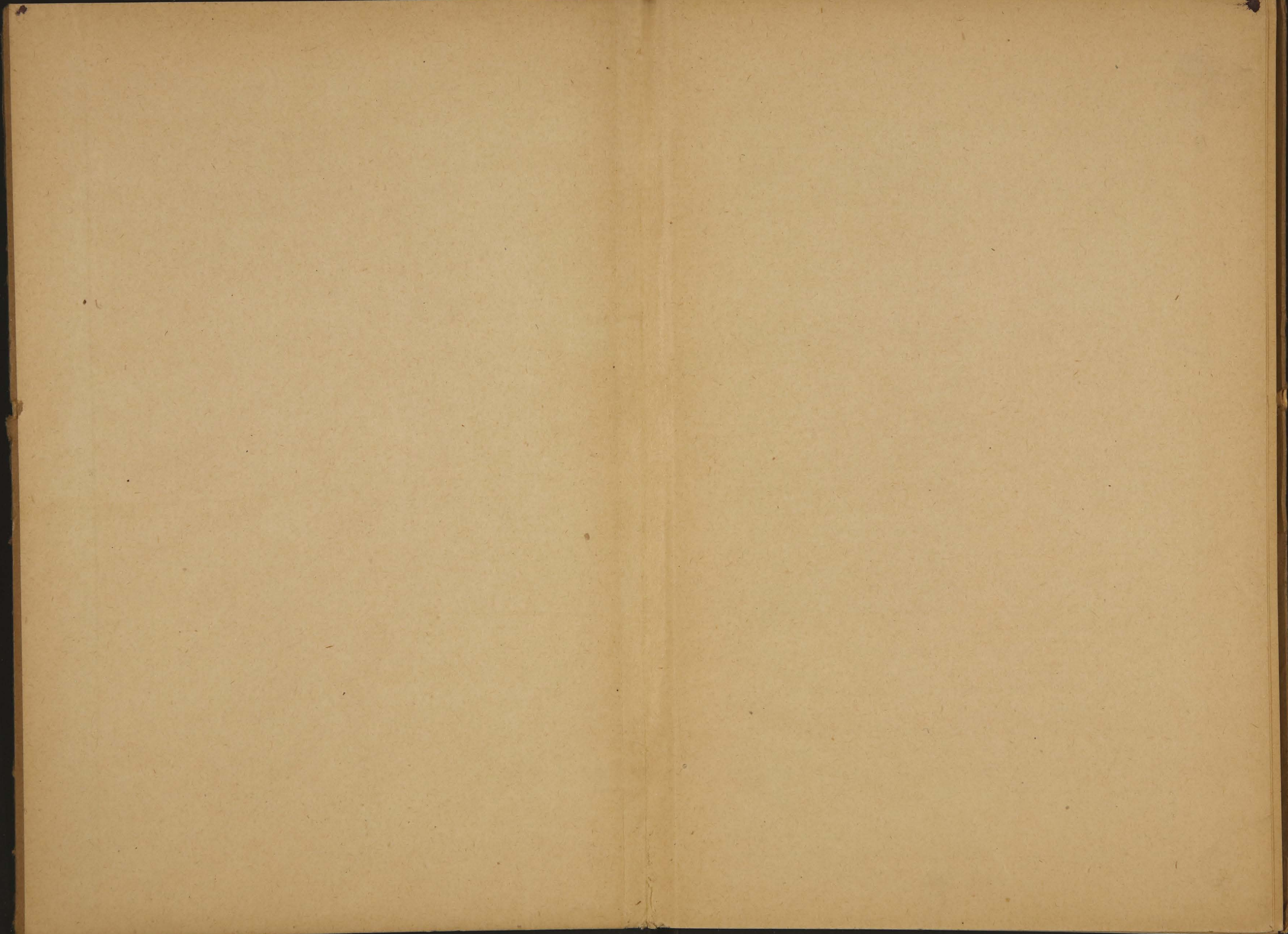

2B 245

Handwritten text, possibly a signature or name, written in cursive script. The text is faint and difficult to decipher, but appears to be written in the upper left corner of the page.

К

(Журн. Мин. Юст.
1904, VIII, IX)

2324

75066

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ПРОЕКТА НОВАГО ПОЛОЖЕНІЯ О КРЕСТЬЯНАХЪ.

П. Н. Гуссаковскаго.

Изслѣдователей Россіи, изучающихъ ее въ экономическомъ отношеніи, поражаетъ обыкновенно колоссальное богатство производительныхъ силъ страны и крайняя бѣдность ея населенія. На необозримомъ пространствѣ государства, изобилующемъ такими дарами природы, которые могли бы обезпечить благосостояніе тройного сравнительно съ настоящимъ населенія, разбросаны въ видѣ рѣдкихъ лишь оазисовъ болѣе или менѣе крупныя городскія центры, относительное благоустройство которыхъ указываетъ на нѣкоторый достатокъ городскихъ жителей и на привычки ихъ къ культурной жизни. Что же касается нашихъ сель и деревень, въ которыхъ проживаетъ около 80% всего населенія Имперіи, то было бы бесполезно искать въ нихъ какихъ-либо признаковъ благоустройства или культуры. Жалкія примитивныя жилища, невообразимая грязь и отсутствіе тѣхъ удобствъ жизни, которыя давно уже стали достояніемъ самыхъ глухихъ мѣстностей на западѣ Европы,—характеризуютъ громадное большинство нашихъ сельскихъ поселеній. Не рискуя впасть въ преувеличеніе, можно съ увѣренностью утверждать, что наша деревня осталась такою же, какою она была въ XIV или

XV столѣтіи. Рядъ вѣковъ прошелъ совершенно безслѣдно для нашихъ сельскихъ поселеній и не внесъ никакихъ улучшеній въ условія жизни нашего земледѣльческаго населенія.

Крайней бѣдности деревни вполне соответствуетъ и уровень умственнаго развитія крестьянъ. Крупные успѣхи въ области культуры, достигнутые Россіей въ послѣднее время, не коснулись вовсе нашего сельскаго населенія. Лица, получившія извѣстное образованіе и обладающія нѣкоторымъ умственнымъ развитіемъ, группируются почти исключительно въ городскихъ центрахъ; въ большинствѣ же нашихъ сель и деревень трудно найти даже хорошо грамотнаго человѣка. Переполюя нѣкоторые изъ нашихъ болѣе крупныхъ городовъ, врачи, техники, юристы и представители всѣхъ другихъ профессій, требующихъ извѣстнаго умственнаго развитія, нерѣдко не находятъ вовсе въ этихъ городахъ примѣненія для своего труда и знаній. Многіе изъ нихъ влачатъ вслѣдствіе этого жалкое существованіе и, несмотря на крайнюю нужду страны въ образованныхъ людяхъ, пополняютъ собою ряды умственнаго пролетаріата. Тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ и не подумаетъ о томъ, чтобы перенести свою дѣятельность въ сельскія мѣстности. Крайняя бѣдность деревни, а главное—строй ея жизни и установившіеся въ ней порядки, не только не способствуютъ приливу образованныхъ людей въ сельскія мѣстности, но, напротивъ того, вынуждаютъ бѣжать оттуда всѣхъ лицъ, достигшихъ хотя бы нѣкотораго умственнаго развитія. Вслѣдствіе этого тьма и невѣжество нераздѣльно царятъ среди нашего сельскаго населенія. Постоянный отливъ изъ деревни сколько-нибудь развитыхъ элементовъ, поддерживая полную разобщенность крестьянъ отъ остальныхъ классовъ населенія, создаетъ изъ нихъ особый міръ, въ которомъ не замѣчается никакого умственнаго движенія, никакого прогресса. Такой застой умственной жизни сельскаго населенія неизбежно отражается и на успѣхахъ хозяйственной его дѣятельности. Въ то время, когда подъ вліяніемъ измѣняющихся экономическихъ условій борьба за существованіе вызываетъ необходимость энергической работы и крайняго напряженія умственныхъ силъ, наше земледѣль-

ческое населеніе придерживается еще самыхъ примитивныхъ способовъ обработки земли и всѣ свои надежды, какъ и прежде, возлагаетъ исключительно на естественныя силы природы. Въ результатѣ наше темное и невѣжественное земледѣльческое населеніе приведено въ такое печальное экономическое положеніе, что, по авторитетному удостовѣренію одного изъ бывшихъ Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ въ представленіи его Государственному Совѣту по проекту продовольственнаго устава, достаточно одного лишь неурожайнаго года, чтобы угроза голодной смерти, какъ Дамокловъ мечъ, нависла надъ значительною частью этого населенія.

Такое жалкое экономическое положеніе крестьянъ представляется тѣмъ болѣе поразительнымъ, что ни однимъ государствомъ на западѣ Европы не было принесено столько жертвъ для обезпеченія хозяйственнаго благосостоянія земледѣльческаго населенія, какъ у насъ въ Россіи. Какъ извѣстно, не только бывшіе крѣпостные крестьяне, но и всѣ другія лица, принадлежащія къ различнымъ категоріямъ земледѣльческаго населенія страны, получили земельныя надѣлы въ размѣрѣ, могущемъ обезпечить экономическій ихъ бытъ. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ собою лишь бывшіе крѣпостные крестьяне Остзейскихъ губерній, которымъ при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости не было предоставлено никакихъ правъ на помѣщичьи земли. Достоинно однако вниманія, что, несмотря на столь крупное отступленіе отъ тѣхъ главныхъ основаній, на которыхъ устроенъ вообще бытъ земледѣльческаго населенія Имперіи, экономическое положеніе сельскихъ мѣстностей въ Прибалтійскихъ губерніяхъ представляется не только не хуже, но, напротивъ того, несравненно болѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ. Въ Остзейскомъ краѣ не замѣчается той поголовной нищеты земледѣльческаго населенія, которая характеризуетъ многія другія мѣстности Имперіи. Мелкіе земельные собственники и арендаторы этого края въ громадномъ своемъ большинствѣ пользуются нѣкоторымъ достаткомъ и благосостояніемъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ сельскія мѣстности При-

балтійскихъ губерній представляются несравненно болѣе благоустроенными и культурными, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ. Такое различіе въ экономическомъ положеніи земледѣльческаго населенія Прибалтійскихъ и внутреннихъ губерній не можетъ быть объяснено различіемъ естественныхъ условій тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ оно проживаетъ. И по богатству почвы, и по климатическимъ своимъ условіямъ Остзейскій край стоитъ несравненно ниже, чѣмъ многія изъ нашихъ черноземныхъ губерній, а между тѣмъ естественныя преимущества этихъ богато одаренныхъ губерній нисколько не отражаются на степени благосостоянія ихъ сельскаго населенія. Очевидно поэтому, что въ самыхъ условіяхъ дѣятельности нашихъ крестьянъ и въ тѣхъ правовыхъ порядкахъ, какіе созданы для сельскихъ мѣстностей во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи, заключается нѣчто такое, что препятствуетъ нашему сельскому населенію выйти изъ того безотраднaго экономическаго положенія, въ которомъ находится оно въ настоящее время.

Попробуемъ поэтому разобратъ въ нашемъ законодательствѣ о крестьянахъ съ цѣлью выясненія тѣхъ законодательныхъ постановленій, регулирующихъ ихъ хозяйственный и правовой бытъ, которыя препятствуютъ широкому и правильному развитію экономическихъ и духовныхъ силъ нашего земледѣльческаго населенія.

I.

Въ большинствѣ мѣстностей во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи при надѣленіи крестьянъ было сохранено существовавшее тамъ и раньше общинное владѣніе. Сущность этой формы землевладѣнія заключается въ томъ, что право собственности на землю принадлежитъ общинѣ, какъ юридическому лицу; отдѣльнымъ же членамъ общины предоставлено лишь право пользованія землею на основаніяхъ, установленныхъ сходомъ домохозяевъ. Сохраняя общинное землевладѣніе, сложившееся у насъ издавна подъ вліяніемъ бытовыхъ условій, Положеніе о крестьянахъ создало вмѣстѣ съ тѣмъ

искусственные преграды для выхода изъ общины отдѣльныхъ ея членовъ. Крестьянину, не желающему оставаться участникомъ въ общинномъ пользованіи землею, было первоначально предоставлено право требовать выдѣла причитающагося на его долю земельного участка, но не иначе, какъ по предварительномъ погашеніи всего долга, лежащаго на этомъ участкѣ по выкупной ссудѣ. Въ виду отсутствія у крестьянъ денежныхъ средствъ для выполненія этого условія случаи выдѣла изъ общины отдѣльныхъ ея членовъ были вообще довольно рѣдки. Тѣмъ не менѣе, для вѣщаго закрѣпленія общинной формы пользованія землею, позднѣйшимъ закономъ крестьяне были лишены права требовать выдѣла изъ общины даже въ случаѣ выкупа состоящей въ ихъ пользованіи земли, если только на такой выдѣлъ не изъявилъ своего согласія сходъ домохозяевъ. Такимъ образомъ нынѣ отдѣльные крестьяне прочно прикрѣплены къ общинѣ. Какъ бы ни тяготились они общинною формою пользованія землею, они не могутъ выйти изъ состава общины безъ согласія на то схода.

Между тѣмъ принудительное общинное землевладѣніе, представляющее нѣкоторыя преимущества лишь при крайне экстенсивной системѣ хозяйства, создаетъ непреодолимыя преграды для успѣховъ земледѣльческой культуры. Члены общины, не будучи собственниками тѣхъ земельныхъ участковъ, которые отведены имъ въ пользованіе по распоряженію схода, нисколько не заинтересованы въ ихъ улучшеніи, такъ какъ всѣми выгодами произведенныхъ на это затратъ при предстоящемъ передѣлѣ общинной земли можетъ воспользоваться другой членъ общины, не принимавшій никакого участія въ этихъ затратахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльные крестьяне въ самыхъ способахъ пользованія отведенными имъ земельными участками стѣснены тою системою хозяйства, которая установилась въ общинѣ. По условіямъ общиннаго землевладѣнія, они не только не могутъ отступить на своихъ надѣлахъ отъ принятаго обществомъ сѣвооборота съ цѣлью болѣе интенсивнаго пользованія землею, но даже во времени исполненія тѣхъ или иныхъ земледѣльческихъ работъ, имѣющимъ столь важное значеніе для предстоящаго урожая, они обязаны сообразоваться съ

общими распоряженіями по этому предмету схода домохозяевъ. Вслѣдствіе этого продуктивность общинныхъ земель низведена до крайняго минимума. Средній урожай на этихъ земляхъ не только ниже, чѣмъ на помѣщичьихъ поляхъ, но онъ меньше даже того средняго урожая, который собираютъ крестьяне на земляхъ, взятыхъ ими въ аренду или же пріобрѣтенныхъ ими покупкою въ личную собственность. При такихъ условіяхъ существующія узаконенія, затрудняющія отдѣльнымъ крестьянамъ выдѣлъ изъ общины, въ конечномъ своемъ результатѣ устраняютъ всякую возможность увеличенія производительности той земли, которая должна обеспечивать существованіе крестьянъ.

Съ другой стороны, въ силу дѣйствующаго закона, крестьянинъ, желающій выйти изъ состава общества и заняться какимъ-либо другимъ промысломъ, можетъ осуществить свое намѣреніе не иначе, какъ съ согласія общества и по передачѣ въ его распоряженіе всего своего надѣла. Такъ какъ большая часть долга по выкупной ссудѣ въ настоящее время уже погашена крестьянами, то требованіе закона, чтобы выбывающій изъ состава общества безвозмездно передалъ общинѣ почти выкупленный имъ надѣлъ, равносильно фактически прямому воспрещенію выхода изъ общества. Между тѣмъ искусственное прикрѣпленіе крестьянъ къ ихъ надѣламъ, отвлекая избытокъ земледѣльческаго населенія отъ другихъ промысловъ и занятій, оказываетъ крайне неблагоприятное вліяніе не только на экономическое ихъ положеніе, но и на общее промышленное развитіе всей страны. Въ то время, когда у насъ повсемѣстно раздаются жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ для правильнаго устройства и веденія различныхъ сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ предпріятій, наше многочисленное земледѣльческое населеніе по большей части праздно сидитъ на крошечныхъ своихъ надѣлахъ, обработка которыхъ поглощаетъ лишь ничтожную часть времени, имѣющагося въ распоряженіи крестьянъ.

По удостовѣренію уѣздныхъ комитетовъ, которые созывались у насъ для выясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности, существуютъ мѣстности, гдѣ лишь 20% всего

рабочаго времени посвящается крестьянами на обработку ихъ надѣловъ; въ остальное же время они ничѣмъ не заняты за невозможностью найти на мѣстѣ такую производительную дѣятельность, къ которой крестьяне-земледѣльцы могли бы примѣнить свой трудъ. Такимъ образомъ, благодаря дѣйствующимъ узаконеніямъ, затрудняющимъ отливъ избытка земледѣльческаго населенія изъ сельскихъ мѣстностей, громадная трудовая энергія, заключающаяся въ этомъ населеніи, остается неиспользованною въ ущербъ общимъ народно-хозяйственнымъ интересамъ и благосостоянію самыхъ крестьянъ.

Искусственно задерживаемые на своихъ надѣлахъ, крестьяне не могутъ однако путемъ ихъ обработки добыть необходимые средства для своего существованія. Если въ шестидесятыхъ годахъ, при самомъ надѣленіи крестьянъ землею, размѣры отведенныхъ имъ надѣловъ соотвѣтствовали численности существовавшего тогда земледѣльческаго населенія и потребности его въ землѣ, то нынѣ, когда это населеніе почти удвоилось, надѣльные земли могли бы прокормить это увеличившееся населеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы путемъ примѣненія улучшенныхъ пріемовъ обработки земли производительность ихъ увеличилась въ соотвѣтственномъ размѣрѣ. Между тѣмъ, благодаря условіямъ общиннаго землевладѣнія, лишаящимъ крестьянъ возможности введенія болѣе совершенной системы хозяйства, производительность надѣльныхъ земель нисколько не увеличилась. Напротивъ того, крестьянскія земли, которымъ не возвращаютъ въ видѣ удобренія извлеченныя изъ нихъ составныя части, неизбѣжно истощаются и даютъ все меньшіе и меньшіе урожаи.

Для пополненія тѣхъ средствъ къ жизни, которыхъ при существующихъ условіяхъ не могутъ дать имъ ихъ надѣлы, крестьяне, прикрѣпленные къ общинѣ, поставлены нынѣ въ необходимость или снимать въ аренду земли сосѣднихъ владѣльцевъ, или же временно отлучаться на заработки изъ мѣста своего жительства. И та, и другая мѣры не могутъ однако обезпечить безбѣднаго существованія крестьянъ. Арендныя цѣны на земли, вслѣдствіе усилившагося спроса, повсемѣстно увеличились уже въ такомъ размѣрѣ, что съемка земель

крестьянами представляет для них ничтожныя лишь выгоды.

Что же касается такъ называемыхъ отхожихъ промысловъ, то эти періодическія массовыя передвиженія крестьянъ-земледѣльцевъ, отыскивающихъ заработка иногда за нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣста ихъ жительства, — представляютъ собою одно изъ самыхъ печальныхъ явленій нашей экономической жизни. Такое скитанье крестьянъ въ поискахъ за работою сопряжено для нихъ съ огромною совершенно непроизводительною потерей времени и денежныхъ средствъ. Не имѣя точныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ именно и въ какомъ размѣрѣ ощущается въ данное время потребность въ пришлыхъ рабочихъ силахъ, крестьяне, ищущіе заработковъ, нерѣдко наводняютъ какую-либо мѣстность въ такомъ числѣ, что, несмотря на крайнее пониженіе, вслѣдствіе усиленнаго предложенія, заработной платы, многіе изъ нихъ все-таки не находятъ себѣ работы. Такъ какъ, пускаясь въ путь, эти странствующие рабочіе располагаютъ лишь ничтожными денежными средствами на покрытіе расходовъ по передвиженію до избранной ими мѣстности, то нерѣдко они страшно бѣдствуютъ до пріисканія себѣ какого-либо заработка; по возвращеніи же своемъ домой они приносятъ съ собою лишь ничтожныя сбереженія. Въ лучшемъ даже случаѣ эти сбереженія едва достаточны для того, чтобы устранить острую нужду крестьянской семьи, и никогда не достигаютъ такихъ размѣровъ, чтобы они могли сколько-нибудь упрочить ея благосостояніе.

Если, благодаря общинному строю, преобладающему во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи, земледѣльческое ихъ населеніе приведено въ состояніе, близкое къ полной нищетѣ, то немногимъ лучше положеніе крестьянъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они получили подворные надѣлы. Этотъ фактъ, опровергающій повидимому заключеніе о неблагопріятномъ вліяніи, оказываемомъ общиннымъ строемъ на экономическое положеніе крестьянъ, разъясняется однако вполне при ближайшемъ ознакомленіи съ тѣми узаконеніями, которыми опредѣляются сущность подворнаго владѣнія и права подворныхъ

владѣльцевъ. Эти узаконенія отличаются вообще крайнею неопредѣленностью. Въ дѣйствующемъ Положеніи о крестьянахъ встрѣчаются постановленія, указывающія на то, что подворный участокъ составляетъ личную собственность подворнаго владѣльца, и на ряду съ этимъ имѣется рядъ статей, изъ которыхъ можно заключить, что подворные участки отведены не отдѣльнымъ домохозяевамъ, а для обезпеченія быта всѣхъ тѣхъ лицъ, значащихся по спискамъ въ семействѣ домохозяина, которыя представляютъ собою крестьянскій дворъ. Въ виду такой неясности закона, сенатскою практикою установлено, что подворный владѣлецъ долженъ быть признаваемъ лишь старшимъ членомъ двора, которому принадлежитъ только право управленія и хозяйственнаго завѣдыванія подворнымъ участкомъ; собственниками же этого участка являются всѣ члены крестьянскаго двора. Вслѣдствіе этого, по разъясненіямъ Сената, владѣлецъ подворнаго участка не можетъ распорядиться имъ на случай своей смерти посредствомъ духовнаго завѣщанія, такъ какъ завѣщать можно только то, что составляетъ личную собственность завѣщателя. вмѣстѣ съ тѣмъ смерть владѣльца подворнаго участка не открываетъ для другихъ членовъ двора права наслѣдованія этимъ участкомъ, а вызываетъ лишь необходимость замѣны умершаго домохозяина другимъ членомъ двора. Развивая послѣдовательно эти положенія, надлежало бы также признать, что подворный владѣлецъ по собственному усмотрѣнію, безъ согласія другихъ членовъ двора, не имѣетъ права ни продать подворный участокъ, ни отдать его въ долгосрочную аренду. Тѣмъ не менѣе Правительствующій Сенатъ не пошелъ такъ далеко по этому пути, такъ какъ подобное разъясненіе находилось бы въ полномъ противорѣчій съ буквою закона, предоставляющаго подворному владѣльцу такое право.

Такимъ образомъ на почвѣ неясности закона и сенатскихъ рѣшеній создалась у насъ своеобразная форма подворнаго владѣнія, едва-ли встрѣчающаяся въ какомъ-либо другомъ государствѣ и совершенно неизвѣстная въ наукѣ права. Подворные участки признаются нынѣ коллективною собственностью всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ того двора, кото-

рому они надѣлены, но объемъ правъ, принадлежащихъ каждому изъ участниковъ въ этомъ общемъ владѣнїи, и вопросъ о томъ, какими способами они могутъ осуществить эти права, остаются совершенно неопредѣленными. Подворный владѣлецъ, въ качествѣ старшаго члена двора, управляетъ только принадлежащимъ послѣднему подворнымъ участкомъ, и потому онъ не можетъ распорядиться имъ на случай своей смерти, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему предоставлено ничѣмъ не ограниченное право продать этотъ участокъ и такимъ образомъ лишить остальныхъ членовъ двора принадлежащаго имъ права общей собственности. Такая неясность и противорѣчивость постановленій, опредѣляющихъ сущность подворнаго владѣнїя и правъ подворныхъ владѣльцевъ, порождаетъ на практикѣ невѣроятную путаницу отношеній и нескончаемые споры между членами двора.

Но, помимо того, подворное владѣнїе въ той формѣ, въ какой оно вылилось у насъ подъ вліяніемъ неясности закона и сенатскихъ рѣшеній, обладаетъ тѣми же недостатками и приводитъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ и общинное землевладѣнїе. Подворный участокъ составляетъ коллективную собственность не одной какой-либо семьи, а двора, т. е. совокупности лицъ, числившихся въ посемейныхъ спискахъ въ семьѣ того домохозяина, на имя котораго участокъ этотъ былъ отведенъ въ надѣль. Такимъ образомъ, если въ посемейныхъ спискахъ въ семьѣ первоначальнаго подворнаго владѣльца были записаны, какъ это нерѣдко имѣло мѣсто, его родные или двоюродные братья, племянники или же другіе еще болѣе отдаленные родственники, то нынѣ всѣ эти лица или ихъ потомство являются собственниками подворнаго участка. Крестьянскій дворъ представляетъ собою поэтому не одну семью, члены которой тѣсно связаны между собою близостью кровнаго родства, но въ большинствѣ случаевъ онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ семействъ, изъ которыхъ каждое преслѣдуетъ свои обособленные интересы.

Извѣстно однако, что общая собственность, когда она возникла помимо воли совладѣльцевъ, не только не способствуетъ улучшенію имущества, находящагося въ общемъ вла-

дѣніи, а, напротивъ того, приводитъ его нерѣдко къ полному обезцѣненію. Вслѣдствіе этого коллективная собственность двора является такимъ же тормозомъ для успѣховъ земледѣльской культуры на подворныхъ участкахъ, какъ и общинное землевладѣніе. Члены двора, въ особенности если въ составъ его входитъ нѣсколько семействъ, преслѣдуютъ обыкновенно въ своей дѣятельности единственную цѣль, заключающуюся въ томъ, чтобы извлечь лично для себя возможно больше выгодъ изъ принадлежащаго имъ права участія въ общей собственности. Крупныя улучшенія подворныхъ участковъ, требующія болѣе или менѣе значительныхъ затратъ труда или денежныхъ средствъ на ихъ осуществленіе, представляются вообще крайне рѣдкимъ явленіемъ. Отсутствіе увѣренности въ томъ, что плодами этихъ улучшеній воспользуются они лично или же ихъ дѣти, побуждаетъ вообще членовъ двора воздерживаться отъ всякихъ затратъ, выгоды которыхъ могутъ сказаться лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Вслѣдствіе этого на подворныхъ участкахъ ведется обыкновенно такое же хищническое хозяйство, истощающее землю и приносящее ничтожные лишь доходы, какъ и на общинныхъ земляхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ подворная форма владѣнія, такъ же, какъ и общинное землевладѣніе, препятствуетъ переходу къ другимъ занятіямъ и промысламъ избытка сельскаго населенія, не находящаго примѣненія для своего труда на своихъ подворныхъ участкахъ. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ ни общины, ни подворнаго владѣнія, многіе изъ крестьянъ домохозяевъ оставляютъ при себѣ одного лишь изъ своихъ сыновей, который и предназначенъ сдѣлаться хозяиномъ участка послѣ смерти своего отца. Что же касается остальныхъ сыновей такихъ домохозяевъ, то они съ юности готовятся къ занятію ремесломъ или другою какою-либо профессіей и затѣмъ, будучи снабжены отъ отца небольшими денежными средствами для начала своей самостоятельной дѣятельности, нерѣдко достигаютъ современемъ такого же обеспеченнаго положенія, какъ и ихъ братья, оставшіяся хозяйничать на отцовскомъ участкѣ. Несомнѣнно, что такая

система, устраняющая чрезмѣрное дробленіе крестьянскихъ участковъ и дающая вмѣстѣ съ тѣмъ надлежащее обезпеченіе всѣмъ дѣтямъ крестьянина домохозяина, могла бы съ большою пользою получить широкое распространеніе и среди сельскаго населенія внутреннихъ губерній, если бы подворные владѣльцы не были лишены права завѣщательныхъ распоряженій относительно ихъ подворныхъ участковъ. Между тѣмъ, существующія нынѣ ограниченія правъ подворныхъ владѣльцевъ въ этомъ отношеніи, вызванныя стремленіями дать одинаковое земельное обезпеченіе всѣмъ членамъ разрастающейся крестьянской семьи, приводятъ на практикѣ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Отдѣльные члены двора въ силу предоставленнаго имъ права участія въ пользованіи подворнымъ участкомъ, подъ вліяніемъ обычныхъ между ними несогласій и раздоровъ, предъявляютъ обыкновенно требованія о выдѣлѣ имъ соотвѣтственной доли изъ общей собственности. Хотя до погашенія долга по выкупной ссудѣ, числящагося на подворномъ участкѣ, онъ не можетъ быть раздробленъ безъ особаго на то разрѣшенія губернскаго присутствія, но на практикѣ законъ этотъ не соблюдается. По мѣрѣ разростанія двора и образованія въ составѣ его новыхъ семей подворный участокъ дробится на отдѣльные самостоятельныя хозяйства, слишкомъ мелкія для того, чтобы обезпечить существованіе семьи, но тѣмъ не менѣе прочно прикрѣпляющія владѣльцевъ ихъ къ землѣ и отвлекающія ихъ отъ другихъ промысловъ и занятій.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что со времени надѣленія крестьянъ пространство земли, отведенной подворнымъ владѣльцамъ, нисколько не увеличилось, численность земледѣльческаго населенія, проживающаго на подворныхъ участкахъ, въ настоящее время почти удвоилась. Немногимъ изъ этихъ подворныхъ владѣльцевъ удалось пріобрѣсти въ собственность небольшіе сверхнадѣльные земельные участки; еще меньшее число ихъ пристроилось къ какимъ-либо другимъ занятіямъ; всѣ же остальные наличные подворные владѣльцы заняты почти исключительно обработкою своихъ подворныхъ участковъ, т. е. тѣми же работами, которыя въ ше-

стидесятихъ годахъ минувшаго столѣтія были исполняемы съ неменьшимъ успѣхомъ почти вдвое меньшимъ числомъ рабочихъ рукъ. Очевидно поэтому, что коллективная собственность двора, препятствующая примѣненію болѣе совершенныхъ способовъ пользованія производительными силами земли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прикрѣпляющая къ подворнымъ участкамъ большее число рабочихъ силъ, чѣмъ этого требуетъ существующая система хозяйства, не можетъ не оказывать самого неблагоприятнаго вліянія на экономическое положеніе подворныхъ владѣльцевъ.

Недостатки дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ, оказывающіе крайне неблагоприятное вліяніе на ихъ бытъ, не исчерпываются однако тѣми законоположеніями, которыми опредѣляются сущность правъ крестьянъ на надѣльные земли и порядокъ пользованія ими. Устанавливая среди крестьянъ особія формы землевладѣнія, рѣзко отличающіяся отъ тѣхъ правъ на землю, которыя предоставлены всѣмъ другимъ классамъ населенія, дѣйствующія Положенія о крестьянахъ создаютъ для нихъ особый порядокъ управленія, подчиняютъ ихъ особому суду и изъемяютъ ихъ отъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ.

Общность крестьянскаго землевладѣнія вызываетъ необходимость въ существованіи особыхъ распорядительныхъ и исполнительныхъ органовъ управленія, призванныхъ къ завѣдыванію хозяйственными дѣлами крестьянъ, получившихъ землю въ общественную собственность. Создавъ такіе органы, Положеніе о крестьянахъ не ограничилось однако предоставленіемъ имъ однѣхъ лишь хозяйственныхъ функцій по завѣдыванію общественными землями, но, сверхъ того, возложило на нихъ и нѣкоторыя обязанности по дѣламъ общаго управленія, полиціи и мѣстнаго благоустройства. Перечень всѣхъ тѣхъ сложныхъ и разнообразныхъ обязанностей, которыя лежатъ нынѣ на должностныхъ лицахъ волостного и сельскаго управленій, показываетъ съ полною очевидностью, что эти должностныя лица служатъ въ дѣйствительности не спеціальнымъ интересамъ крестьянъ, а представляютъ собою низшіе органы общаго административ-

наго управленія, избираемые лишь изъ среды крестьянъ и оплачиваемые ихъ средствами. Такая организація сельскаго и волостного управленія, вызванная очевидно стремленіемъ къ сбереженію расходовъ государственнаго казначейства по общему управленію, представляетъ собою огромныя неудобства. Не говоря уже о томъ, что темные и невѣжественные крестьяне, оторванные отъ сохи для исполненія различныхъ административныхъ функцій, являются вообще крайне неудовлетворительными агентами администраціи, обязанность содержанія этихъ многочисленныхъ должностныхъ лицъ, вѣдающихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ дѣла общаго управленія, ложится крайне тяжелымъ бременемъ на крестьянъ. Мірскія повинности, предназначенныя почти исключительно на покрытіе расходовъ по содержанію этихъ должностныхъ лицъ, почти повсемѣстно превышаютъ во много разъ размѣры земскаго обложенія, а между тѣмъ, независимо отъ мірскихъ повинностей, крестьяне наравнѣ съ другими землевладѣльцами подлежатъ также и земскому обложенію, и сверхъ того бюджетъ ихъ обремененъ крупными платежами по выкупному долгу, лежащему на надѣльныхъ земляхъ. Не удивительно поэтому, что помимо обязательныхъ расходовъ по содержанію должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія крестьяне, при крайней скудости ихъ средствъ, могутъ удѣлить весьма немного на дѣла мѣстнаго благоустройства, отнесенныя всецѣло къ предметамъ вѣдомства того же крестьянскаго общественнаго управленія.

Такимъ образомъ, за устраненіемъ наиболее состоятельныхъ и развитыхъ слоевъ сельскаго населенія отъ участія въ расходахъ и заботахъ, вызываемыхъ общими нуждами и потребностями сельскихъ мѣстностей, важнѣйшія изъ этихъ потребностей остаются неудовлетворенными. Не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что до тѣхъ поръ, пока не будутъ измѣнены тѣ главныя основанія, на которыхъ построено нынѣ крестьянское общественное управленіе, наша нестроенная деревня останется въ томъ же положеніи полнаго нестройства, въ какомъ она находится въ настоящее время.

Установивъ для крестьянъ, составляющихъ четыре пятыхъ

всего населенія Имперіи, особый порядокъ управленія, дѣйствующіе законы ставятъ ихъ въ положеніе несовершеннолѣтнихъ, требующихъ установленія надъ ними особой попечительной власти, облеченной широкими полномочіями. Такая попечительная власть и создана нынѣ въ лицѣ земскихъ начальниковъ и цѣлой системы высшихъ крестьянскихъ учрежденій. Благодаря особой заботливости объ интересахъ крестьянъ, они стѣснены даже въ такихъ правахъ, какъ свобода передвиженія. Отдѣльные крестьяне, желающіе временно отлучиться изъ мѣста своего жительства для заработковъ, могутъ осуществить свое намѣреніе не иначе, какъ испросивъ на это разрѣшеніе домохозяина, сельскаго общества и начальства. Въ хозяйственныхъ своихъ дѣлахъ крестьяне также лишены всякой самостоятельности. Земскому начальнику предоставлено право контролировать всѣ приговоры сельскаго схода и останавливать исполненіе тѣхъ изъ нихъ, которые, по его личному мнѣнію, нарушаютъ интересы общества. Такимъ образомъ, если бы по единогласному приговору схода всѣхъ домохозяевъ было постановлено вмѣсто обычнаго передела надѣльной земли на мелкія полосы обрабатывать ее сообща на артельныхъ началахъ съ тѣмъ, чтобы урожай былъ уравнительно распределенъ между всѣми членами общества, то и такой приговоръ схода можетъ быть отмѣненъ, если онъ покажется земскому начальнику несоотвѣтствующимъ интересамъ крестьянъ. Въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ собраны матеріалы, удостовѣряющіе, что подобные случаи не только возможны въ принципѣ, но и встрѣчаются нерѣдко въ практической жизни. Такъ, на примѣръ, однимъ изъ сельскихъ обществъ въ Смоленской губерніи былъ постановленъ приговоръ о пріобрѣтеніи фосфорита для удобренія крестьянскихъ полей, но по представленію земскаго начальника приговоръ былъ отмѣненъ, какъ не соотвѣтствующій интересамъ общества.

Такое вмѣшательство правительственной власти въ сферу чисто хозяйственной дѣятельности крестьянъ, затрогивающей исключительно лишь собственные имущественные ихъ интересы, приводитъ къ крайне печальнымъ явленіямъ. Хотя въ

силу закона контролирующей правительственной власти предоставлено право останавливать также постановления городских и земских учреждений в случае несоответствия их общим интересам, но не слѣдует забывать, что земским и городским хозяйством вѣдают не непосредственно жители города или опредѣленнаго земскаго района, а ихъ представители, которые своими распоряженіями могутъ нерѣдко нанести непоправимый вредъ обществу. Между тѣмъ завѣдываніе общественнымъ имуществомъ крестьянъ предоставлено не ихъ представителямъ или уполномоченнымъ, а непосредственно самимъ крестьянамъ въ лицѣ всѣхъ домохозяевъ. Всѣ распоряженія крестьянъ въ области общихъ имущественныхъ ихъ интересовъ касаются только лицъ, сдѣлавшихъ эти распоряженія, и никого больше. Крестьяне, владѣющіе сообща отведеннымъ имъ надѣломъ, являются въ сущности такими же совладѣльцами общей собственности, какъ и лица всѣхъ другихъ сословій, пріобрѣвшихъ опредѣленное имущество въ общую собственность. Если однако дѣйствующій законъ не допускаетъ вообще вмѣшательства правительственной власти въ распоряженія совладѣльцевъ общимъ ихъ имуществомъ, то нѣтъ никакого основанія дѣлать въ этомъ отношеніи какія-либо изъятія для крестьянъ. Итальянская поговорка гласитъ, что „un razzo sa più in proprio casa, ch'un savio in casa d'altrui“, и мудрость этого изреченія едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Какъ бы ни были неразвиты и невѣжественны наши крестьяне, но во всякомъ случаѣ въ вопросахъ о томъ, что для нихъ выгодно или убыточно, они несомнѣнно могутъ быть лучшими судьями, чѣмъ правительственные чиновники, хотя бы они принадлежали къ мѣстнымъ представителямъ первенствующаго въ государствѣ сословія и въ своей дѣятельности были одушевлены наилучшими намѣреніями принести посильную пользу ввѣреннымъ ихъ попеченію крестьянамъ.

Лишая земледѣльческое наше населеніе самостоятельности въ хозяйственныхъ его дѣлахъ и допуская вмѣшательство правительственной власти даже въ такія распоряженія крестьянъ, которыя затрогиваютъ исключительно имущественные ихъ интересы, законъ тѣмъ самымъ убиваетъ въ ихъ средѣ всякую

99951
15066
энергію и инициативу. Становясь вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе равнодушными къ своимъ общественнымъ дѣламъ, крестьяне вмѣстѣ съ тѣмъ въ стремленіи къ улучшенію своего матеріальнаго положенія приучаются возлагать всѣ свои надежды не столько на собственные свои силы, сколько на помощь правительства. Въ сознание народа все болѣе и болѣе проникаетъ убѣжденіе, что въ кругъ прямыхъ обязанностей правительства, проявляющаго такое живое и дѣятельное участіе въ хозяйственныхъ его дѣлахъ, входитъ и снабженіе крестьянъ сѣменами въ случаѣ отсутствія у нихъ таковыхъ для обсѣмененія ихъ полей, и устраненіе испытываемаго ими недостатка въ землѣ, и оказаніе имъ всякой иной помощи въ случаѣ острой нужды. Между тѣмъ такое убѣжденіе крестьянъ, въ виду полной невозможности для правительства отвѣтить на всѣ запросы обнищавшаго земледѣльческаго населенія, способно внушить самыя серьезныя опасенія относительно будущаго.

Установивъ особый порядокъ и особыя приемы управленія крестьянами, составляющими четыре пятыхъ населенія Имперіи, дѣйствующія узаконенія подчиняютъ ихъ также особому суду, стоящему внѣ общей судебной организаціи и руководствующемуся въ своей дѣятельности совершенно особыми началами. Недостатки волостного суда, состоящаго изъ невѣжественныхъ крестьянъ, руководимыхъ не всегда безупречнымъ въ нравственномъ отношеніи писаремъ, слишкомъ общеизвѣстны для того, чтобы стоило на нихъ останавливаться. По удостовѣренію всѣхъ почти уѣздныхъ совѣщаній о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, дѣятельность этого суда не имѣетъ ничего общаго съ правосудіемъ. На основаніи положенія о волостномъ судѣ при разрѣшеніи спорныхъ имущественныхъ дѣлъ судьи обязаны руководствоваться не закономъ, нормирующимъ спорныя юридическія отношенія, а существующимъ въ данной мѣстности обычаемъ. Между тѣмъ, по общему удостовѣренію мѣстныхъ дѣятелей, близко стоящихъ къ крестьянамъ и хорошо изучившихъ ихъ бытъ, такихъ обычаевъ, которые имѣли бы значеніе общеобязательной правовой нормы, въ деревнѣ не существуетъ, и они никому неизвѣстны. По

каждому отдѣльному случаю такіе обычаи изобрѣтаются или приговоромъ схода послѣ угощенія его водкою, предложенною одною изъ заинтересованныхъ тяжущихся сторонъ, или же показаніями услужливыхъ свидѣтелей. Вслѣдствіе этого въ лучшемъ случаѣ при разрѣшеніи подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ волостные судьи, не связанные въ своей дѣятельности какими-либо постановленіями закона, руководствуются исключительно личными своими воззрѣніями на правду и справедливость. Нерѣдко же они постановляютъ свои рѣшенія или подъ вліяніемъ подкупа, или же соотвѣтственно личнымъ своимъ отношеніямъ къ тяжущимся.

Не трудно себѣ представить то вліяніе, которое оказываетъ на бытъ сельскаго населенія дѣятельность волостного суда, организованнаго на указанныхъ началахъ. Экономическій прогрессъ и правильное развитіе благосостоянія государства возможны лишь въ томъ случаѣ, когда имущественныя права населенія опираются на незыблемыя нормы закона и неприкосновенность этихъ правъ гарантируется, болѣе или менѣе, совершенною организаціею правильно функционирующаго суда. Это положеніе представляется общеизвѣстною истиною, давно уже проникшею въ сознаніе нашихъ государственныхъ дѣятелей, проявляющихъ особую заботливость объ улучшеніи нашего гражданскаго уложенія, нормирующаго имущественныя права населенія, и объ усовершенствованіи организаціи суда, призваннаго къ охраненію этихъ правъ. Объ этой истинѣ забываютъ однако, когда рѣчь идетъ о нашемъ многочисленномъ земледѣльческомъ населеніи, на которомъ зиждется сила и могущество государства. Законъ, регулирующий имущественныя отношенія населенія, признается для нашихъ крестьянъ излишней роскошью. Всякій имущественный споръ, возникающій между лицами, принадлежащими къ другимъ классамъ населенія, какъ бы ни было малоцѣнно то право, котораго онъ касается, можетъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ на точномъ основаніи закона, регулирующаго спорныя отношенія, при чемъ всякое нарушеніе этого закона влечетъ за собою кассачію и ничтожность постановленнаго судебного рѣшенія. Между тѣмъ при разрѣшеніи имущественныхъ

споровъ крестьянъ, касающихся нерѣдко всего ихъ достоянія, судъ вовсе не обязанъ руководствоваться постановленіями закона, регулирующаго спорныя отношенія, а можетъ постановить рѣшеніе, основываясь исключительно на неувомомъ обычаѣ или на личныхъ своихъ воззрѣніяхъ на правду и справедливость.

Затѣмъ, въ виду громадной важности правильныхъ функцій суда для населенія, весьма крупныя средства государственнаго казначейства затрачиваются у насъ на болѣе совершенную организацію этого суда и на привлеченіе къ судебной дѣятельности такихъ лицъ, которыя и по умственному своему развитію, и по нравственнымъ своимъ качествамъ находятся на высотѣ своего призванія. Такая заботливость о личномъ составѣ и о возможномъ совершенствѣ дорого стоящей судебной организаціи проявляется однако лишь въ отношеніи тѣхъ судебныхъ установленій, которыя призваны къ разрѣшенію всѣхъ, хотя бы и самыхъ малоцѣнныхъ, исковъ, возникающихъ между лицами привилегированныхъ классовъ населенія. Что же касается судебныхъ дѣятелей, на которыхъ возложено разрѣшеніе всѣхъ почти имущественныхъ споровъ крестьянъ, затрогивающихъ нерѣдко самыя насущныя ихъ интересы, то отъ этихъ судей признается совершенно излишнимъ требовать наличности тѣхъ качествъ, которыми гарантируется вообще правильная и успѣшная судебная дѣятельность. Для выполненія судебныхъ функцій среди сельскаго земледѣльческаго населенія признаются вполнѣ пригодными оторванныя отъ сохи крестьяне, не только чуждые всякаго представленія о законѣ, но нерѣдко совершенно неграмотные и неспособные уяснить себѣ сущность тѣхъ юридическихъ отношеній, которыя подлежатъ ихъ разрѣшенію. При такихъ условіяхъ подчиненіе крестьянъ волостному суду создаетъ полную необезпеченность имущественныхъ ихъ правъ. Коль скоро эти права поставлены внѣ охраны закона и признаніе ихъ въ случаѣ спора зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія невѣжественныхъ судей, доступныхъ всякаго рода вліяніямъ, то о незыблемости этихъ правъ не можетъ быть и рѣчи. Не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что подчиненіе

крестьянъ особому ихъ суду, который и по своей организаціи, и по основамъ своей дѣятельности рѣзко отличается отъ общихъ судебныхъ установленій, должно быть также отнесено къ числу тѣхъ крупныхъ недостатковъ дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ, которые препятствуютъ развитію и упроченію благосостоянія земледѣльческаго населенія.

Бѣглый очеркъ главнѣйшихъ узаконеній, нормирующихъ правовой порядокъ и хозяйственный бытъ крестьянъ, указываетъ съ полною очевидностью, что крайне жалкое экономическое положеніе, въ которомъ находится нынѣ наше земледѣльческое населеніе, должно быть рассматриваемо какъ естественное послѣдствіе тѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ построены эти узаконенія. Крупные и вполне очевидные недостатки нашего законодательства о крестьянахъ давно уже обратили на себя вниманіе и въ юридической литературѣ, и въ правительственныхъ сферахъ. Въ концѣ минувшаго столѣтія бывшій Министръ Финансовъ Витте въ одномъ изъ ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ своихъ докладовъ объ общемъ финансовомъ и экономическомъ положеніи Россіи отмѣтилъ между прочимъ настоятельную необходимость коренного пересмотра дѣйствующихъ узаконеній о крестьянахъ, такъ какъ, по авторитетному его мнѣнію, крупные недостатки этихъ узаконеній, создавая полную неопредѣленность и неустойчивость имущественныхъ правъ крестьянъ, отражаются крайне неблагоприятно и на ихъ благосостояніи, и на правильномъ развитіи экономическихъ силъ государствъ.

Возбужденный вопросъ о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ поставленъ нынѣ на очередь. Образованная при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ коммисія выработала уже проекты новыхъ Положеній о крестьянахъ, но до внесенія ихъ на разсмотрѣніе законодательной власти они разосланы на заключенія губернскихъ комитетовъ, въ составъ которыхъ привлечены лица, близко знакомыя съ бытомъ и потребностями крестьянской жизни.

Въ ряду другихъ отдѣловъ нашего законодательства, настойчиво требующихъ реформы, было бы трудно указать

какіе-либо иные вопросы права, имѣющіе большее практическое значеніе и большую важность, чѣмъ вопросы, затронутые упомянутыми законопроектами. На производительномъ трудѣ и благосостояніи нашего многомилліоннаго земледѣльческаго населенія зиждутся сила и могущество государства. Не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что устраненіе изъ дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ всѣхъ тѣхъ постановленій, которыя задерживаютъ нынѣ широкое и правильное развитіе духовныхъ и экономическихъ силъ земледѣльческаго населенія, не можетъ не отразиться на будущихъ судьбахъ Россіи. Разсмотримъ поэтому, въ какой мѣрѣ удовлетворяютъ этой потребности проектированныя комиссіей измѣненія дѣйствующихъ узаконеній о крестьянахъ.

II.

Въ основу выработаннаго проекта, по заявленію его составителей, положены тѣ же главныя начала, на которыхъ зиждется Положеніе 19 февраля 1861 года. Эти основныя начала, по мнѣнію комиссіи, заключаются въ полной обособленности крестьянскаго сословія отъ остальныхъ классовъ населенія, въ неотчуждаемости надѣльныхъ земель и неприкосновенности существующихъ формъ крестьянскаго землевладѣнія.

Останавливаясь на этихъ заявленіяхъ комиссіи, опредѣляющихъ характеръ и направленіе выработанныхъ ею проектовъ, нельзя прежде всего не выразить крайняго удивленія по поводу указанія ея на то, что полная обособленность крестьянъ отъ остальныхъ классовъ населенія должна быть отнесена къ числу главнѣйшихъ принциповъ, одухотворяющихъ великій законодательный актъ 19 февраля 1861 г. Какъ извѣстно, до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, они находились въ полномъ подчиненіи у своихъ помѣщиковъ и не только не пользовались личными и имущественными правами, предоставленными другимъ классамъ населенія, но, напротивъ того, сами составляли объектъ имущественныхъ оборотовъ. Такое безправное положеніе крестьянъ и рѣзкая обособленность ихъ отъ другихъ

сословія признаны были однако несоотвѣтствующими ни требованіямъ справедливости, ни общегосударственнымъ интересамъ. Задача великаго освободительнаго акта заключалась поэтому не въ созданіи рѣзкихъ граней, обособляющихъ крестьянъ отъ другихъ классовъ населенія, а, напротивъ того, въ устраненіи такой обособленности и въ уравненіи личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ съ другими сословіями.

Само собою разумѣется, что столь крупная социальная реформа не могла быть осуществлена сразу. Вмѣстѣ съ личною свободою бывшіе крѣпостные крестьяне получили также и землю, необходимую для обезпеченія ихъ существованія, и за эту землю, впредь до выкупа ея при содѣйствіи правительства, они обязаны были отбывать опредѣленные повинности въ пользу помѣщика. Такимъ образомъ для осуществленія реформы, призывавшей крестьянъ къ новой жизни въ качествѣ полноправныхъ гражданъ, необходимо было отвести имъ предварительно ихъ надѣлы и опредѣлить размѣры тѣхъ повинностей, которыя они должны были отбывать въ пользу помѣщика, а затѣмъ составить выкупные акты на предоставленныя крестьянамъ надѣльные земли. Очевидно, что вся эта громадная и крайне сложная работа, а также разборъ многочисленныхъ споровъ, возникавшихъ при земельномъ устройствѣ крестьянъ, не могли быть возложены на существовавшія въ то время правительственныя учрежденія. Вслѣдствіе этого, въ виду особенностей переходнаго положенія крестьянъ, впредь до полной ликвидаціи прежнихъ ихъ отношеній къ помѣщикамъ, представлялось необходимымъ изъять ихъ временно изъ вѣдѣнія общихъ органовъ управленія и подчинить ихъ въ этомъ отношеніи вновь созданнымъ органамъ правительственной власти, призваннымъ вначалѣ къ надѣленію крестьянъ землею, а затѣмъ къ укрѣпленію за ними этихъ земель на началахъ выкупа. Такимъ образомъ обособленность крестьянъ въ порядкѣ управленія установлена Положеніями 19 февраля 1861 г. не въ силу какого-либо принципа, вытекающаго изъ тѣхъ или иныхъ государственныхъ соображеній, а лишь какъ мѣра практической необходимости, вызываемая стремленіемъ къ скорѣйшему завершенію дѣла зе-

мельнаго устройства крестьянъ и полному прекращенію прежнихъ отношеній ихъ къ помѣщикамъ. Очевидно, поэтому, что нынѣ, по выполненіи той главной задачи, ради которой были созданы особые правительственные органы крестьянскаго управленія, послѣдовательное развитіе началъ, которыми проникнуто Положеніе 19 февраля 1861 года, требовало бы не дальнѣйшаго закрѣпленія существующей обособленности крестьянъ въ порядкѣ управленія, а подчиненія ихъ въ этомъ отношеніи общеустановленному порядку.

Независимо однако отъ общихъ указаній на необходимость пересмотра законодательства о крестьянахъ въ духѣ Положенія 19 февраля 1861 г., коммисія приводитъ также и рядъ другихъ соображеній, въ силу которыхъ при выполненіи этого законодательнаго труда представляется совершенно невозможнымъ отступить отъ принципа полной обособленности крестьянъ отъ другихъ сословій. По мнѣнію редакціонной коммисіи, съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости, къ органамъ правительственной власти перешли та попечительная власть и тотъ надзоръ за крестьянами, которые раньше принадлежали ихъ помѣщикамъ. Въ необходимости осуществленія такой попечительной власти и такого надзора, по заявленію составителей проекта, заключается главнѣйшее основаніе къ обособленію крестьянъ отъ другихъ сословій и къ подчиненію ихъ особому порядку управленія.

Между тѣмъ при самомъ внимательномъ изученіи Положенія 19 февраля 1861 г. было бы трудно найти въ немъ какія-либо, хотя бы даже самыя отдаленныя, указанія на то, чтобы по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости правительственнымъ органамъ крестьянскаго управленія была предоставлена попечительная власть надъ крестьянами въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ она принадлежала помѣщикамъ. Независимо отъ обязанностей по отводу надѣловъ и укрѣпленію ихъ за крестьянами, на крестьянскія учрежденія былъ первоначально возложенъ лишь надзоръ за дѣятельностью органовъ крестьянскаго общественнаго управленія. При этомъ однако правительственная власть наблюдала только за законностью приговоровъ схода и не входила вовсе въ

обсужденіе вопроса объ ихъ цѣлесообразности. Въ области хозяйственныхъ своихъ распоряженій крестьяне пользовались полною самостоятельностью, не допускавшею возможности какого-либо вмѣшательства со стороны правительственной власти. Только въ законѣ 12 іюня 1889 г. впервые проводится взглядъ на крестьянъ, какъ на лицъ несовершеннолѣтнихъ, не могущихъ пользоваться всею полнотою правъ, предоставленныхъ другимъ сословіямъ, и такимъ образомъ лишь съ введеніемъ въ дѣйствіе Положенія о земскихъ начальникахъ были впервые созданы особые правительственные органы, призванные къ властному руководству крестьянами и строгому надъ ними надзору.

Необходимость руководства крестьянами и обособленіе ихъ вслѣдствіе этого въ особую сословную группу объясняются составителями проекта особенностями быта крестьянъ и ихъ міровоззрѣнія, сложившихся подъ вліяніемъ близости ихъ къ землѣ и свойствъ сельскохозяйственнаго труда. Эти особенности крестьянъ характеризуются редакціонною коммисіей въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Воспитанные въ неустанномъ упорномъ трудѣ, привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и слѣдовательно отъ началъ высшаго порядка, крестьяне болѣе, чѣмъ представители какой-либо другой части населенія, всегда стояли и стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и такимъ образомъ силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и беспочвенныхъ теченій“. Такая характеристика отличительныхъ свойствъ нашихъ крестьянъ нисколько не разъясняет однако вопроса, почему этотъ трудолюбивый и строго консервативный классъ населенія, служащій надежнымъ оплотомъ противъ разлагающихъ теченій въ народной жизни, долженъ быть обособленъ въ отдѣльную группу съ подчиненіемъ его особому руководству и надзору правительственной власти. Казалось бы, что эти крупныя положитель-

ныя стороны въ характерѣ нашего земледѣльческаго населенія не даютъ никакого основанія относиться къ нимъ какъ къ несовершеннолѣтнимъ и, подвергая ихъ усиленному административному воздѣйствію, ограничивать ихъ самостоятельность даже въ хозяйственной ихъ дѣятельности.

Учрежденіе особаго надзора надъ крестьянами является однако, по мнѣнію комиссіи, логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ серьезныхъ жертвъ, которыя принесены государствомъ для обезпеченія ихъ быта. Надѣленіе крестьянъ землею послѣдовало за счетъ другого сословія, и потому правительство не только въ правѣ, но и обязано имѣть бдительный надзоръ за тѣмъ, чтобы предоставленный крестьянамъ земельный фондъ удовлетворялъ той потребности, для коей онъ предназначенъ, а именно—обезпечивалъ существованіе крестьянства, взятаго какъ особое сословіе.

Для лицъ, близко стоящихъ къ крестьянамъ и тщательно изучившихъ ихъ бытъ и ихъ стремленія, представляется совершенно очевиднымъ, насколько неосновательны существующія у насъ опасенія относительно того, что наши крестьяне могутъ растратить предоставленный имъ земельный фондъ, распродавъ его лицамъ другихъ сословій. Обладаніе землею составляетъ для нашего крестьянина высшее благо и конечную цѣль его завѣтныхъ стремленій. Всѣ сбереженія, которыя дѣлаются отдѣльными крестьянами, употребляются ими исключительно на покупку земли, коль скоро представляется къ этому возможность. При этомъ они не останавливаются ни передъ какими цѣнами и заключаютъ сдѣлки на условіяхъ, совершенно недоступныхъ для лицъ другихъ сословій. На югѣ Россіи замѣчается въ послѣднее время необыкновенно быстрый подъемъ цѣнъ на землю. Первоначальный толчокъ этому повышенію дали нѣмцы-колонисты, энергично покупавшіе помѣщичьи имѣнія, но вскорѣ однако конкурентами ихъ выступили отдѣльные крестьяне и крестьянскія товарищества. При этомъ крестьяне сразу настолько подняли цѣны на землю, что нѣмцы-колонисты вынуждены были отказаться отъ соперничества и обратились за покупкою земель въ другія мѣстности, гдѣ они не встрѣчались съ конкурен-

ціей крестьянъ. Такое стремленіе нашего крестьянскаго населенія къ расширенію своего землевладѣнія привело къ тому, что на югѣ Россіи, гдѣ еще лѣтъ двадцать тому назадъ земли расцѣнивались отъ 30 до 40 руб. за десятину, тѣ же земли продаются нынѣ отъ 250 до 300 р. При несомнѣнной привязанности крестьянъ къ землѣ, въ которой они видятъ единственный надежный источникъ своего благосостоянія, можно быть увѣреннымъ, что земли, находящіяся нынѣ въ ихъ владѣніи, никогда не выйдутъ изъ ихъ обладанія. Правда, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ нерѣдко наблюдаются случаи, когда крестьяне забрасываютъ свои надѣлы и употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы отдѣлаться отъ этихъ надѣловъ и сопряженныхъ съ владѣніемъ ими обязанностей. Въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности приведены однако фактическія данныя, вполне разъясняющія такой странный, повидимому, фактъ, что крестьяне, несмотря на свою привязанность къ землѣ, нерѣдко не дорожатъ вовсе своими надѣлами. Благодаря условіямъ общиннаго землепользованія, побуждающимъ крестьянъ воздерживаться отъ всякихъ затратъ на улучшеніе отведенныхъ имъ полосъ, производительность части надѣльныхъ земель, по удостовѣренію мѣстныхъ комитетовъ, мало по малу совершенно истощается, и онѣ обращаются въ пустыри, не пригодные для какихъ-либо сельскохозяйственныхъ цѣлей. Не удивительно поэтому, что къ владѣнію такими землями, за которыя они должны вносить довольно высокіе выкупные платежи, отдѣльные крестьяне относятся, какъ къ тяжелой для нихъ повинности. Тѣмъ не менѣе тѣ же крестьяне, которые забрасываютъ свои надѣлы, по свидѣтельству мѣстныхъ комитетовъ, весьма охотно покупаютъ землю въ личную собственность или же снимаютъ ее за высокую плату въ срочную аренду у сосѣднихъ владѣльцевъ. Всѣ эти факты указываютъ съ полною очевидностью, что для устраненія того стремленія крестьянъ къ отчужденію своихъ надѣловъ, которое замѣчается въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, было бы наиболѣе цѣлесообразнымъ упорядочить лишь условія крестьянскаго землевладѣнія, всецѣло вызывающія подобныя явленія.

Во всякомъ случаѣ однако для предотвращенія перехода надѣльныхъ земель въ руки другихъ сословіи нѣтъ никакой надобности въ созданіи особыхъ органовъ правительственнаго надзора за крестьянами и въ подчиненіи ихъ особому порядку управленія. Одно существованіе закона, воспреещающаго продажу надѣльныхъ земель не-крестьянамъ, вполне достигало бы этой цѣли.

Необходимость полного обособленія крестьянъ отъ другихъ сословіи усматривается также комисіей и въ своеобразномъ, не лишенномъ мѣстныхъ особенностей правосознаніи крестьянъ, отражающемся въ созданныхъ ими обычно-правовыхъ нормахъ. Не рѣшаясь колебать правовыя воззрѣнія, самобытно сложившіяся среди нашего земледѣльческаго населенія, составители Положенія 19 февраля 1861 г. не нашли возможнымъ подчинить имущественныя отношенія, возникающія между крестьянами, дѣйствию общихъ гражданскихъ законовъ. Весь имущественный оборотъ ихъ регулируется нынѣ мѣстными обычаями, и, пока этотъ источникъ крестьянскаго права не уступитъ мѣста какому-либо опредѣленнымъ общегосударственнымъ нормамъ права писаннаго, до тѣхъ поръ, по мнѣнію комисіи, представляется немислимымъ разрушеніе сословныхъ граней крестьянства и уравненіе ихъ въ порядкѣ управленія съ другими сословіями.

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что рѣзкія особенности міровоззрѣнія и правосознанія опредѣленной группы населенія могутъ вызвать необходимость примѣненія къ этой части населенія особыхъ приемовъ управленія. Такъ, напримѣръ, среди горскаго населенія Кавказа кровавая месть признается и нынѣ правовымъ институтомъ, освященнымъ вѣками. Къ кражѣ чужого имущества населеніе это относится какъ къ простому гражданскому нарушенію, а въ разбоѣ усматриваетъ особое проявленіе молодечества и доблести. Само собою разумѣется, что часть населенія, находящаяся на столь низкой ступени нравственнаго развитія, не можетъ быть управляема на тѣхъ же началахъ, какъ всѣ остальные классы населенія, достигшіе несравненно болѣе высокой ступени культуры. Едва-ли однако наши крестьяне по своему міровоззрѣнію и

правосознанію отличаются столь рѣзко отъ другихъ сословій, чтобы въ виду такого различія представлялось необходимымъ подчинять ихъ особому порядку управленія подобно горцамъ Кавказа или же туземному населенію нашихъ среднеазіатскихъ владѣній.

Всѣ особенности правосознанія крестьянъ, по заявленію комисіи, выражаются главнымъ образомъ въ существованіи у нихъ самобытно сложившагося обычнаго права, коимъ, въ отличіе отъ остальныхъ классовъ населенія, регулируются всѣ имущественныя отношенія нашего крестьянскаго населенія. Самый фактъ существованія столь развитого обычнаго права у крестьянъ представляется однако крайне сомнительнымъ. До освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости кругъ имущественныхъ сдѣлокъ между крестьянами, которые въ то время составляли сами предметъ имущественнаго оборота, былъ до крайности ограниченъ. При отсутствіи у нихъ имущества, которымъ они могли бы свободно распоряжаться, не могли, конечно, возникнуть у крестьянъ и обычнопрововыя нормы, которыми регулировались бы имущественныя ихъ отношенія. Со времени упраздненія крѣпостной зависимости прошло слишкомъ мало времени для того, чтобы могли сложиться такіе обычаи, которые получили бы въ глазахъ населенія значеніе общеобязательныхъ правовыхъ нормъ. По удостовѣренію лицъ, близко стоящихъ къ крестьянскому населенію, такихъ обычаевъ въ дѣйствительности не существуетъ, и ихъ никто не знаетъ. Если однако нѣкоторыя имущественныя отношенія между крестьянами не подчинены нынѣ дѣйствию общихъ гражданскихъ законовъ, то этотъ фактъ находится внѣ всякой связи съ міровоззрѣніемъ и правосознаніемъ крестьянъ. До введенія Положенія о земскихъ начальникахъ и до расширенія подсудности волостныхъ судовъ крестьяне принимали всевозможныя мѣры, чтобы возникающіе между ними имущественныя споры сдѣлать подсудными мировымъ судебнымъ установленіямъ. Единственная цѣль, которую они при этомъ преслѣдовали, заключалась въ томъ, чтобы спорныя имущественныя ихъ отношенія были разрѣшаемы по закону, а не на основаніи никому неизвѣст-

ныхъ обычаевъ. По удостовѣренію мѣстныхъ комитетовъ, крестьяне и нынѣ крайне тяготятся подсудностью ихъ преобразованнымъ волостнымъ судамъ и жаждутъ, какъ высшаго блага, чтобы въ имущественныхъ своихъ отношеніяхъ они были освобождены отъ дѣйствія навязываемыхъ имъ обычаевъ и поставлены подъ защиту общаго закона. При такихъ же условіяхъ едва-ли возможно указывать на противоположность между правосознаніемъ крестьянъ и другихъ классовъ населенія, какъ на основаніе для полнаго обособленія крестьянъ и подчиненія ихъ особому порядку управленія.

Но, независимо отъ того, если признать даже безспорнымъ фактъ существованія у крестьянъ такихъ обычаевъ, въ силу которыхъ нѣкоторыя имущественныя между ними отношенія регулируются иначе, чѣмъ дѣйствующимъ закономъ, то и въ такомъ случаѣ это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ для примѣненія къ нимъ иныхъ приемовъ управленія, чѣмъ къ остальнымъ классамъ населенія. Въ торговой и промышленной средѣ, подъ вліяніемъ особенностей быта, сложились также мѣстные обычаи, регулирующие нѣкоторыя изъ возникающихъ по торговлѣ имущественныхъ отношеній. Эти обычаи принимаются нынѣ въ соображеніе при разрѣшеніи подлежащими судебными установленіями тѣхъ споровъ, которые возникаютъ между лицами торговаго класса, но самый фактъ существованія подобныхъ обычаевъ не можетъ, конечно, служить основаніемъ для подчиненія купечества особому порядку управленія.

Въ современныхъ государствахъ, сила и могущество которыхъ основываются между прочимъ на сплоченности населенія, пользующагося одинаковыми личными и имущественными правами, должны быть примѣняемы одинаковые приемы управленія въ отношеніи всѣхъ классовъ населенія. Эти приемы управленія, основанные на уваженіи къ личности и строгомъ соблюденіи закона, не могутъ быть видоизмѣняемы въ зависимости отъ тѣхъ особенностей быта и міровоззрѣнія, которыя неизбежно отличаютъ отдѣльныя группы лицъ, занимающихся различными профессіями и стоящихъ на различныхъ степеняхъ развитія. Противоположная система можетъ при-

вести лишь къ нежелательной розни среди населенія и къ ряду другихъ столь же нежелательныхъ послѣдствій.

По мнѣнію редакціонной коммисіи, въ виду органическихъ особенностей, отличающихъ нашихъ крестьянъ, невозможно рассчитывать на то, чтобы подчиненіе ихъ въ порядкѣ управленія общеустановленному порядку могло способствовать духовному сближенію и объединенію ихъ съ другими классами населенія. Въ этомъ мнѣніи кроется однако глубокое недоразумѣніе. Если нашъ крестьянинъ, какъ это утверждаетъ коммисія, рѣзко отличается по своему духовному и нравственному облику отъ остальныхъ группъ населенія, то это всецѣло объясняется тѣмъ обособленнымъ положеніемъ, въ которое они были поставлены до сихъ поръ въ силу закона. До освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости они представляли собою въ государствѣ многочисленную группу безправныхъ лицъ, находившихся въ полномъ распоряженіи ихъ помѣщиковъ и не имѣвшихъ ничего общаго съ остальнымъ населеніемъ. Съ дарованіемъ имъ личной свободы крестьяне вошли въ ряды полноправныхъ гражданъ, но, подъ вліяніемъ спеціальныхъ о нихъ узаконеній, заняли среди населенія государства то же обособленное положеніе. Въ настоящее время, такъ же, какъ и прежде, у крестьянъ весьма мало общаго съ другими классами населенія. У нихъ своя сословная организація, свои органы управленія, вѣдающіе всѣми мѣстными дѣлами, свой судъ, свои особыя земельные порядки. Въ силу закона лица, принадлежащія къ привилегированнымъ классамъ, не могутъ быть членами сельскихъ обществъ и не могутъ поэтому принимать никакого участія въ крестьянскомъ общественномъ управленіи. Такъ какъ окончаніе курса въ среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи создаетъ у насъ для окончившихъ его лицъ права высшихъ сословій, то крестьяне, получившіе такое образованіе, не могутъ оставаться въ составѣ тѣхъ обществъ, къ которымъ они принадлежали по рожденію. Не удивительно поэтому, что въ виду тѣхъ особыхъ условій, въ которыя поставлены крестьяне дѣйствующимъ закономъ, они представляютъ собою темную инертную массу, рѣзко отличающуюся отъ другихъ классовъ

населенія. Не удивительно также, что, живя своею особою жизнью и своими повседневными интересами, они не принимаютъ никакого участія въ общественной жизни другихъ классовъ населенія, остающейся для нихъ совершенно чуждой и непонятной.

Между тѣмъ такая обособленность крестьянъ, искусственно созданная особыми о нихъ узаконеніями, быстро уступила бы мѣсто иному порядку съ измѣненіемъ этихъ узаконеній. Въ сельскихъ мѣстностяхъ, населенныхъ крестьянами, проживаютъ также и лица, принадлежащія къ другимъ группамъ населенія. Совмѣстная жизнь ихъ въ опредѣленномъ районѣ создаетъ общія нужды и потребности, въ удовлетвореніи которыхъ заинтересованы въ одинаковой мѣрѣ всѣ жители данной мѣстности. Въ настоящее время, благодаря ряду узаконеній, обособляющихъ крестьянъ въ порядкѣ управленія, всѣми этими потребностями вѣдаютъ всецѣло органы крестьянскаго общественнаго управленія, безъ всякаго въ томъ участія другихъ мѣстныхъ жителей, не принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ. Такая задача представляется однако совершенно непосильною для бѣдныхъ средствами крестьянскихъ обществъ, въ которыхъ къ тому же, въ силу самого закона, не можетъ быть мѣста образованнымъ людямъ. Вслѣдствіе этого мѣры по охраненію порядка въ сельскихъ мѣстностяхъ и огражденіе личной и имущественной безопасности населенія, санитарныя мѣропріятія, организація противопожарной помощи и другія задачи мѣстнаго благоустройства, возложенныя на органы крестьянскаго общественнаго управленія, остаются или совершенно невыполненными, или же выполняются ими крайне неудовлетворительно. Такое положеніе не можетъ измѣниться до тѣхъ поръ, пока будетъ сохранена существующая обособленность крестьянъ отъ другихъ сословій. Только съ привлеченіемъ къ участію въ завѣдываніи дѣлами мѣстнаго благоустройства представителей другихъ, болѣе развитыхъ и болѣе состоятельныхъ классовъ населенія, проживающихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, можно разсчитывать на то, что наши совершенно неустроенныя села и деревни получатъ видъ и характеръ культурныхъ поселеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ дружная совмѣстная работа представителей

мѣстныхъ крестьянъ и лицъ другихъ сословій, проживающихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, направленная къ удовлетворенію насущныхъ мѣстныхъ потребностей и интересовъ, несомнѣнно сблизила бы между собою отдѣльныя группы мѣстнаго населенія и мало по малу устранила бы ту отчужденность крестьянъ отъ другихъ сословій, которая создана и поддерживается нынѣ существующею системою ихъ управленія.

Въ предѣлахъ Имперіи имѣется мѣстность, которую не бесполезно имѣть въ виду при обсужденіи вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ представляется желательнымъ и соотвѣтствующимъ общегосударственнымъ интересамъ обособленіе крестьянъ въ порядкѣ управленія. Мѣстностью этою является возсоединенная по Берлинскому трактату часть Бессарабіи. На основаніи румынскихъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Измаильскомъ уѣздѣ до присоединенія его къ Россіи, управленіе городскихъ и сельскихъ общинъ въ этой части Бессарабіи было организовано на совершенно одинаковыхъ началахъ. Право участія въ общественномъ управленіи какъ городскихъ, такъ и сельскихъ общинъ было предоставлено всѣмъ вообще мѣстнымъ жителямъ, уплачивающимъ опредѣленный налогъ въ пользу общины. Вслѣдствіе этого въ сельскихъ общинахъ, большинство населенія которыхъ состоитъ изъ бывшихъ крепостныхъ крестьянъ, не выкупившихъ еще небольшихъ своихъ земельныхъ надѣловъ, участіе въ общественномъ управленіи принимаютъ, независимо отъ представителей этихъ крестьянъ, мѣстные купцы, землевладѣльцы, арендаторы имѣній и лица другихъ профессій. Благодаря такому участию всѣхъ слоевъ населенія въ мѣстномъ управленіи, благоустройство въ сельскихъ мѣстностяхъ возсоединенной части Бессарабіи находится на такой высотѣ, о которой не могутъ и мечтать многія изъ городскихъ поселеній въ другихъ частяхъ Имперіи. Такъ, на примѣръ, въ нѣкоторыхъ изъ сельскихъ общинъ имѣются устроенныя на мѣстныя средства мужскія и женскія гимназіи, прекрасныя больницы, шоссированныя дороги, дома призрѣнія и рядъ другихъ общепользныхъ учрежденій. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что о такомъ благоустройствѣ сельскихъ общинъ не могло бы быть и рѣчи, если

бы всѣ имущественно состоятельные и умственно развитые жители этихъ общинъ были устранены отъ участія въ мѣстномъ управленіи и всѣ задачи мѣстнаго благоустройства были возложены на обособленное управленіе бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, не выкупившихъ еще своихъ надѣловъ.

Въ предшествующемъ изложеніи приведены всѣ тѣ соображенія, на которыя ссылается коммисія въ подтвержденіе необходимости полного обособленія крестьянъ отъ другихъ сословій. При внимательномъ обсужденіи всѣхъ этихъ соображеній, они представляются крайне неубѣдительными и нисколько не доказываютъ того положенія, въ подтвержденіе котораго они приведены. Указывая на необходимость обособленія крестьянъ въ порядкѣ управленія, какъ на важнѣйшій руководящій принципъ при предстоящемъ пересмотрѣ крестьянскихъ законоположеній, коммисія, однако, не проводитъ послѣдовательно этого принципа и вводитъ въ выработанный ею проектъ рядъ такихъ предположеній, которыя находятся въ непримиримомъ противорѣчьи съ ея аргументаціей и со всѣми ея исходными положеніями.

Какъ на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, такъ и по предположеніямъ проекта, къ кругу дѣятельности крестьянскаго общественнаго управленія отнесены двоякаго рода функціи. Однѣ изъ нихъ вытекаютъ изъ совмѣстнаго пользованія отведенною общинѣ надѣльною землею, другія же направлены къ достиженію опредѣленныхъ хозяйственно-административныхъ цѣлей. Послѣднія функціи проектъ сосредоточиваетъ по преимуществу въ волости, какъ болѣе крупной административной единицѣ, располагающей большими средствами для осуществленія цѣлей мѣстнаго благоустройства. На волостные сходы и волостныхъ должностныхъ лицъ возлагаются широкія въ этомъ отношеніи полномочія. Къ обязанностямъ волостного схода отнесены между прочимъ: постановленія о всѣхъ вообще предметахъ, относящихся до хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ всего волостного общества, мѣры общественнаго призрѣнія, учрежденіе волостныхъ училищъ, домовъ призрѣнія, мѣропріятія по сельскому хозяйству, опредѣленіе денежныхъ мірскихъ сборовъ на волостныя надобности, дѣла по

отправленію воинской повинности и, сверхъ того, цѣлый рядъ другихъ дѣлъ самаго разнообразнаго свойства и характера. Столь же обширны и разнообразны права и обязанности волостного старшины. Охраненіе благочинія и порядка въ предѣлахъ волости, огражденіе безопасности лицъ и имуществъ отъ преступныхъ посягательствъ, предупрежденіе и пресѣченіе преступленій и, наконецъ, принятіе мѣръ къ открытію и задержанію виновныхъ—входятъ въ кругъ полицейскихъ его обязанностей. По дѣламъ общественнымъ волостной старшина предлагаетъ на разрѣшеніе схода всѣ дѣла, касающіяся нуждъ и пользы волостного общества, наблюдаетъ за исправнымъ содержаніемъ въ волости дорогъ, мостовъ, гатей и переправъ и слѣдитъ за исправнымъ отправленіемъ обществами и отдѣльными лицами всякаго рода повинностей какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ.

Волостной сходъ и волостной старшина, на которыхъ возлагается проектомъ выполненіе столь широкаго круга хозяйственно-административныхъ обязанностей въ сельскихъ мѣстностяхъ, не могутъ быть однако признаны органами исключительно крестьянскаго общественнаго управленія. Къ составу волостныхъ обществъ проектъ относитъ не только крестьянъ, владѣющихъ въ предѣлахъ волости недвижимою собственностью, но также мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, проживающихъ на территоріи волости и обладающихъ опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ. Всѣмъ этимъ лицамъ, которыя и нынѣ подчинены вѣдомству волостного старшины, предполагается предоставить одинаковыя права съ крестьянами на участіе въ волостномъ общественномъ управленіи. Такимъ образомъ намѣченная проектомъ организація крестьянскаго общественнаго управленія не носитъ вовсе того строго сословнаго характера, которымъ, по мысли коммисіи, оно должно быть проникнуто. Волостной сходъ и волостной старшина, на которыхъ возлагаются проектомъ важнѣйшія функціи крестьянскаго общественнаго управленія, должны быть признаны органами общественнаго управленія не только крестьянъ, но и всѣхъ другихъ группъ населенія, проживающихъ въ предѣлахъ волости, за исключеніемъ только лицъ приви-
4

рованныхъ сословій. Такое объединеніе крестьянъ въ порядкѣ управленія съ нѣкоторыми другими классами населенія, отъ которыхъ, по заявленію коммисіи, они рѣзко отличаются и по условіямъ быта, и по своему міровоззрѣнію и правосознанію, и наконецъ по нравственному и духовному своему облику, совершенно не согласуется съ тѣми соображеніями, которыя приводятся въ подкрѣпленіе необходимости полного обособленія крестьянъ въ порядкѣ управленія отъ остальныхъ сословій. Коль скоро, по мнѣнію коммисіи, въ виду органическихъ особенностей крестьянъ, рѣзко отличающихъ ихъ отъ другихъ сословій, къ крестьянамъ должны быть примѣняемы такіе приемы управленія, которые не могутъ имѣть мѣсто въ отношеніи другихъ классовъ населенія, то представляется совершенно непонятнымъ, по какимъ же основаніямъ признается возможнымъ распространить эти приемы управленія на проживающихъ въ предѣлахъ волости лицъ городскихъ состояній, чуждыхъ тѣхъ особенностей, которыми характеризуются крестьяне. Съ другой стороны, если, несмотря на своеобразное міровоззрѣніе крестьянъ и отчужденность ихъ отъ другихъ сословій, признается все-таки возможнымъ создать для нихъ и нѣкоторыхъ другихъ классовъ населенія общіе органы общественнаго управленія, призванные къ охраненію порядка и удовлетворенію важнѣйшихъ потребностей и интересовъ сельскихъ мѣстностей, то остается совершенно непонятнымъ, какія неудобства послѣдовали бы въ томъ случаѣ, если бы создана была такая организація общественнаго управленія въ сельскихъ мѣстностяхъ, которая обнимала бы собою всѣхъ вообще лицъ, проживающихъ въ этихъ мѣстностяхъ, совершенно независимо отъ принадлежности ихъ къ тому или иному сословію.

Интересы порядка и благоустройства въ опредѣленномъ районѣ представляются общими для всѣхъ безъ исключенія лицъ, проживающихъ въ этомъ районѣ, а потому должны быть едиными и тѣ органы мѣстнаго управленія, которые вѣдаютъ упомянутые интересы. До сихъ поръ всѣ заботы по охраненію порядка и мѣстному благоустройству въ предѣлахъ волости относились всецѣло къ кругу обязанностей крестьянскаго общественнаго управленія

и осуществлялись исключительно на ихъ средства. Признавая такой порядокъ несоотвѣтствующимъ требованіямъ справедливости и крайне обременительнымъ для крестьянъ, проектъ въ стремленіи своемъ къ установленію болѣе совершенной организациі мѣстнаго управленія останавливается однако на половинѣ пути. Въ видахъ болѣе широкаго удовлетворенія потребностей благоустройства въ сельскихъ мѣстностяхъ и облегченія бремени, лежащаго въ этомъ отношеніи на крестьянахъ, комиссія признаетъ безусловно необходимымъ раздѣлить это бремя между крестьянами и другими лицами бывшихъ податныхъ сословій, проживающихъ въ предѣлахъ волости, которымъ и предполагается вслѣдствіе этого предоставить одинаковое право участія въ общественномъ волостномъ управленіи. Между тѣмъ нѣтъ никакого основанія дѣлать въ этомъ отношеніи какое-либо различіе между бывшими податными сословіями и лицами привилегированныхъ классовъ населенія, проживающими въ сельскихъ мѣстностяхъ. Вопреки мнѣнію комиссіи, всѣ эти лица въ одинаковой мѣрѣ заинтересованы въ успѣхахъ мѣстнаго благоустройства. Если землевладѣльцы привилегированныхъ классовъ не пользуются лично для себя и для членовъ своихъ семействъ больницами или школами, устроенными въ предѣлахъ волости на мѣстныя средства, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что для нихъ вполне безразлично существованіе этихъ учрежденій. Для каждаго землевладѣльца имѣетъ огромное значеніе, находится ли его имѣніе въ благоустроенной мѣстности или же въ районѣ, чуждомъ всякаго благоустройства, такъ какъ, несомнѣнно, отъ этого зависятъ не только удобства жизни въ имѣніи, но и самая цѣнность его и доходность. Помимо того, участіе въ расходахъ на дѣла мѣстнаго благоустройства не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ того, въ какой мѣрѣ тѣ или иныя общепользныя учрежденія, созданныя на мѣстныя средства, представляются необходимыми для удовлетворенія потребностей отдѣльныхъ лицъ, проживающихъ въ данномъ районѣ. Многие изъ плательщиковъ земскихъ и городскихъ налоговъ никогда не пользуются лично для себя тѣми больницами, школами и другими общепользными учрежденіями, которыя устроены на

земскія или городскія средства, но само собою разумѣется, что это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ для освобожденія ихъ отъ платежа такихъ налоговъ.

Такимъ образомъ проектированныя измѣненія въ организаціи крестьянскаго управленія находятся въ полномъ противорѣчій съ тѣми соображеніями, которыя приводятся по этому предмету составителями проекта. Исходя изъ того основного положенія, что крестьяне въ виду ихъ особенностей должны быть строго обособлены отъ всѣхъ другихъ классовъ населенія, съ примѣненіемъ къ нимъ особыхъ пріемовъ управленія, проектъ объединяетъ ихъ однако въ этомъ отношеніи съ мѣщанами, посадскими, ремесленниками и цеховыми, проживающими въ предѣлахъ волости, разрушая тѣмъ самымъ всю аргументацію, на которой построенъ этотъ проектъ. Съ другой стороны, устанавливая вполнѣ правильный принципъ, что важнѣйшія задачи волостного управленія, заключающіяся въ охраненіи порядка въ предѣлахъ волости и въ развитіи ея благоустройства, могутъ быть достигнуты только при условіи привлеченія къ участию въ мѣстномъ управленіи всѣхъ заинтересованныхъ въ томъ лицъ, проектъ устраняетъ однако отъ такого участія всѣхъ лицъ привилегированныхъ классовъ, несмотря на то, что, проживая въ предѣлахъ волости и владѣя въ ней недвижимымъ имуществомъ, они не менѣе всѣхъ другихъ жителей волости заинтересованы въ дѣлахъ мѣстнаго благоустройства.

Построенный на такихъ началахъ, проектъ общественнаго управленія крестьянъ далеко не устраняетъ тѣхъ слабыхъ сторонъ существующей организаціи этого управленія, которыя оказываютъ столь неблагоприятное вліяніе на правильное развитіе духовныхъ и матеріальныхъ силъ нашихъ крестьянъ. Задаваясь цѣлью внести частичныя лишь поправки и улучшенія въ постановленія закона, относящіяся къ дѣятельности различныхъ органовъ крестьянскаго общественнаго управленія, проектъ оставляетъ безъ всякаго измѣненія главнѣйшія условія этой дѣятельности, отъ которыхъ зависитъ всецѣло успешное осуществленіе преслѣдуемыхъ ею задачъ. Широкое административное воздѣйствіе на крестьянъ и властное руко-

водительство дѣятельностью крестьянскаго общественнаго управленія признаются по прежнему наиболѣе соотвѣтственными и цѣлесообразными приемами управленія крестьянами. При такихъ условіяхъ всѣ проектированныя измѣненія въ положеніи объ общественномъ управленіи крестьянъ едва-ли приведутъ, при практическомъ ихъ осуществленіи, къ благопріятнымъ для земледѣльческаго населенія результатамъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ПРОЕКТА НОВАГО ПОЛОЖЕНІЯ О КРЕСТЬЯНАХЪ.

П. Н. Гуссаковскаго.

(Окончаніе) ¹⁾.

III.

Сохраняя въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ существующую организацію крестьянскаго общественнаго управленія, проектъ находитъ нужнымъ сохранить также для крестьянъ и прежнюю подвѣдомственность ихъ волостному суду. Между тѣмъ составители проекта нисколько не отрицаютъ весьма крупныхъ недостатковъ этого суда, призваннаго нынѣ къ разрѣшенію дѣлъ, затрагивающихъ важныя и цѣнныя интересы крестьянъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, проживающихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ. Коммисія не находитъ однако возможнымъ замѣнить волостной судъ короннымъ судомъ, такъ какъ такая замѣна неосуществима и по крайней обременительности ея для государственнаго казначейства, и по отсутствію у насъ достаточнаго контингента лицъ, близко знакомыхъ съ сельскимъ бытомъ, изъ среды которыхъ только и могутъ быть назначаемы судьи для сельскихъ мѣстностей.

Указаніе на недостатокъ у насъ лицъ, пригодныхъ къ исполненію судейскихъ обязанностей среди крестьянъ, едва-ли можетъ быть признано основательнымъ. Для успѣшнаго выполненія этихъ обязанностей необходимы прежде всего соответственные нравственныя качества и надлежащая профессиональная подготовка. Въ наличности достаточнаго числа

¹⁾ См. Жур. Мин. Юст., Октябрь 1904 г., стр. 1.

Жур. Мин. Юст. Ноябрь 1904.

дѣятелей, удовлетворяющихъ этимъ условіямъ, при широкомъ распространеніи у насъ юридическаго образованія, трудно сомнѣваться. Что же касается особаго знакомства съ сельскимъ бытомъ, то это условіе представляется несущественнымъ и не могущимъ оказать какое-либо вліяніе на успѣшную дѣятельность судьи, призваннаго къ исполненію судейскихъ обязанностей между крестьянами. Если для правильнаго разрѣшенія дѣлъ, возникающихъ между лицами, принадлежащими къ торговой, ремесленной или промышленной средѣ, не требуется вовсе отъ суда близкаго знакомства съ особенностями быта этихъ классовъ населенія, то не представляется также основаній требовать такого знакомства и отъ лицъ, призываемыхъ къ исполненію обязанностей судьи въ сельскихъ мѣстностяхъ.

Гораздо существеннѣе, повидимому, указаніе комисіи на тѣ крупные расходы, которые вызвала бы замѣна крайне неудовлетворительнаго волостного суда болѣе совершеннымъ короннымъ судомъ. Не слѣдуетъ забывать однако, что волостной судъ въ современной его организаціи съ его обширною подсудностью, обнимающей собою почти всѣ судебныя дѣла, возникающія среди сельскаго населенія, представляется учрежденіемъ, возникшимъ въ весьма недавнее время. На основаніи Положенія 19 февраля 1861 г. волостному суду было предоставлено разрѣшеніе лишь простѣйшихъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, не имѣющихъ особо важнаго значенія для сельскаго населенія. Только съ упраздненіемъ института мировыхъ судей въ сельскихъ мѣстностяхъ и съ введеніемъ Положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ юрисдикція волостного суда была расширена настолько, что нынѣ по нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ она представляется болѣе даже широкою, чѣмъ юрисдикція мирового судьи или земскаго начальника. При такихъ условіяхъ замѣна существующаго волостного суда болѣе правильно организованномъ судомъ короннымъ была бы въ сущности лишь возвратомъ къ тому порядку, который существовалъ у насъ въ весьма недавнее еще время.

Независимо отъ того, какъ бы ни были важны сообра-

женія о необходимости сбереженія средствъ государственнаго казначейства, но они должны уступить мѣсто передъ важностью задачъ суда и тѣмъ громаднымъ значеніемъ, какое имѣетъ правильное отправленіе правосудія для населенія. Дѣятельностью волостного суда охраняются важнѣйшіе интересы крестьянъ и почти все ихъ достояніе. Коль скоро по общему удостовѣренію лицъ, близко стоящихъ къ крестьянской жизни, дѣятельность этого суда не имѣетъ ничего общаго съ правосудіемъ, то было бы крайне нецѣлесообразно отказываться отъ замѣны его болѣе совершеннымъ судомъ только потому, что такая замѣна была бы сопряжена съ болѣе или менѣе крупными расходами. Какъ бы ни были велики тѣ жертвы, которыя необходимо принести для правильной постановки дѣла правосудія въ сельскихъ мѣстностяхъ, жертвы эти во всякомъ случаѣ неизмѣримо меньше тѣхъ потерь, которыя ежегодно несетъ все крестьянское населеніе вслѣдствіе отсутствія у него правильно функционирующаго суда.

Составители проекта полагаютъ однако, что, не прибѣгая къ коренной ломкѣ волостного суда, возможно путемъ нѣкоторыхъ лишь измѣненій въ его организаціи достигнуть такого его улучшенія, при которомъ дѣятельность его будетъ вполне удовлетворять своему назначенію. Надежды эти лишены однако всякаго основанія. Давно уже миновало то время, когда, благодаря патріархальности быта и крайней простотѣ отношеній, всякій крестьянинъ, оторванный отъ сохи, коль скоро онъ обладалъ опредѣленными нравственными качествами, могъ съ успѣхомъ исполнять обязанности судьи между своими односельцами.

Нынѣ, при чрезвычайно обширной подсудности волостного суда, коему подвѣдомственны также и лица городскихъ состояній, проживающія въ предѣлахъ волости, онъ нерѣдко бываетъ поставленъ въ необходимость разрѣшать весьма сложные вопросы права и рассмотреть при этомъ различные счета, торговья книги и массу другихъ письменныхъ документовъ, представленныхъ сторонами въ подтвержденіе своихъ требованій. Очевидно, что такая задача представляется совершенно

непосильной для крестьянъ-судей, лишенныхъ всякой подготовки для исполненія судейскихъ обязанностей и нерѣдко даже неграмотныхъ.

Въ видахъ повышенія крайне низкаго уровня личного состава волостного суда и привлеченія къ должности волостныхъ судей лучшихъ людей въ волости коммисія проектируетъ значительно увеличить размѣры присвоеннаго этой должности содержанія. Не подлежитъ однако сомнѣнiю, что мѣра эта лишитъ волостной судъ единственнаго его достоинства—дешевизны, но нисколько не улучшитъ его дѣятельности, такъ какъ въ виду особыхъ условій, въ которыя поставлена наша деревня, въ средѣ крестьянъ-земледѣльцевъ нѣтъ образованныхъ людей, изъ состава которыхъ могли бы пополняться ряды волостныхъ судей. Какъ ни стремится коммисія къ улучшенiю личного состава волостного суда, но, считаясь съ существующими условіями, она предъявляетъ требованіе грамотности только къ предсѣдателямъ и дѣлопроизводителямъ этого суда; что же касается остального его состава, то даже такой образовательный цензъ признается для него излишнимъ. Между тѣмъ эти неграмотные судьи должны разрѣшать дѣла на основаніи представленныхъ къ дѣлу письменныхъ доказательствъ, и при самомъ постановленіи рѣшенія они, согласно проекту, обязаны руководствоваться не только убѣжденіемъ своей совѣсти, но и цѣлымъ рядомъ уставовъ и другихъ законоположеній. Очевидно, что такая организація волостного суда совершенно не соотвѣтствуетъ возлагаемой на него задачѣ. Неграмотные судьи не могутъ ни оцѣнить значенія представленныхъ сторонами письменныхъ доказательствъ, ни изучить тѣ узаконенія, на основаніи которыхъ они должны постановить рѣшенія. Не подлежитъ поэтому сомнѣнiю, что и въ преобразованномъ волостномъ судѣ, такъ же, какъ и нынѣ, разрѣшеніе каждаго отдѣльнаго дѣла въ томъ или иномъ смыслѣ будетъ всецѣло зависеть отъ дѣлопроизводителя этого суда, назначаемаго земскимъ начальникомъ.

Нужно думать, что, если бы для мировыхъ судебныхъ установленій была предложена такая организація, въ силу которой требованіе грамотности предъявляется только къ пред-

сѣдателямъ сѣзда мировыхъ судей, то къ подобному проекту никто не сталъ бы относиться серьезно. Между тѣмъ для волостного суда, призваннаго къ отправленію правосудія среди крестьянъ, составляющихъ 80% всего населенія Имперіи, такая организація признается вполнѣ цѣлесообразною, несмотря на то, что вѣдомству этого суда предоставлены между прочимъ и такія дѣла о недвижимыхъ имуществахъ, которыя въ виду ихъ сложности и важности затрогиваемыхъ ими интересовъ изъяты изъ вѣдѣнія мировыхъ судебныхъ установленій.

Ввѣрять важныя функціи суда людямъ неграмотнымъ, которые по отсутствію подготовки и недостатку развитія нерѣдко не въ состояніи даже уяснить себѣ сущность подлежащихъ ихъ разрѣшенію спорныхъ отношеній, дѣйствующій законъ лишаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ этихъ судей той независимости, которая составляетъ одну изъ необходимѣйшихъ гарантій правильнаго отправленія правосудія. Въ силу закона земскому начальнику предоставлено право подвергать волостныхъ судей денежному взысканію до 5 рублей и аресту до 7 дней безъ формальнаго разбирательства. Независимо отъ того земскій начальникъ можетъ временно устранить волостного судью отъ исполненія обязанности и войти съ представленіемъ въ уѣздный сѣздъ о совершенномъ удаленіи его отъ должности. При такой зависимости волостныхъ судей отъ земскаго начальника всякое указаніе послѣдняго относительно желательнаго разрѣшенія дѣла въ томъ или иномъ смыслѣ имѣетъ для нихъ значеніе приказанія, подлежащаго безусловному исполненію. Матеріалами, собранными мѣстными комитетами, удостоверяется, что такое вмѣшательство земскихъ начальниковъ въ дѣятельность волостного суда при разрѣшеніи имъ отдѣльныхъ дѣлъ случается нерѣдко. При такихъ условіяхъ о какой-либо самостоятельности и независимости волостного суда не можетъ быть и рѣчи.

Указанная зависимость волостныхъ судей отъ земскаго начальника останется въ полной силѣ и по преобразованіи волостного суда на началахъ, выработанныхъ проектомъ. Въ виду положеннаго въ основу этого проекта принципа о не-

обходимости примѣненія особыхъ пріемовъ управленія къ крестьянамъ коммисія не нашла возможнымъ ослабить въ чемъ-либо то широкое и властное административное воздѣйствіе, которое оказываютъ нынѣ земскіе начальники на волостныхъ судей.

Помимо недостатковъ организаціи волостного суда главнѣйшій его недостатокъ заключается въ самыхъ основахъ его дѣятельности, т. е. въ томъ матеріальномъ правѣ, которымъ онъ долженъ руководствоваться при отправленіи имъ правосудія.

На основаніи закона 12 іюля 1889 г. подсудность уголовныхъ дѣлъ волостному суду опредѣляется, съ одной стороны, кругомъ тѣхъ проступковъ, которые предусмтрѣны въ приведенномъ въ этомъ законѣ перечнѣ статей устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, а съ другой стороны— принадлежностью обвиняемаго и потерпѣвшаго къ кругу лицъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому общественному управленію. Подчиняя вѣдомству волостного суда дѣла объ опредѣленныхъ проступкахъ, временныя правила о волостномъ судѣ вмѣняютъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ въ обязанность при разрѣшеніи этихъ дѣлъ примѣнять не тѣ наказанія, которыя указаны въ соотвѣтственныхъ статьяхъ устава, а значительно пониженныя карательныя нормы. Такимъ образомъ дѣйствующимъ закономъ устанавливается различная наказуемость за одни и тѣ же преступныя дѣянія, совершаемыя въ сельскихъ мѣстностяхъ, въ зависимости отъ принадлежности обвиняемаго и потерпѣвшаго къ тому или иному сословію. Если крестьянинъ совершитъ кражу у помѣщика, то на основаніи устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, виновный можетъ быть подвергнутъ тюремному заключенію на срокъ до одного года; если однако такая же кража совершена крестьяниномъ у крестьянина, то высшая мѣра наказанія, которому подлежитъ обвиняемый, не можетъ превысить тридцатидневнаго ареста. Независимо отъ того лицамъ, не подчиненнымъ вѣдомству волостного суда, въ случаѣ совершенія крестьяниномъ какого-либо противъ нихъ проступка предоставляется факультативное право возбудить противъ нихъ пре-

слѣдованіе или въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, или въ волостномъ судѣ. Вслѣдствіе этого, если крестьянинъ совершитъ кражу у лица, не подчиненнаго волостному суду, то степень наказуемости этого преступнаго дѣянія ставится въ зависимость не отъ его свойства и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ оно совершено, а отъ воли и усмотрѣнія потерпѣвшаго. Въ случаѣ обращенія его къ общимъ судебнымъ установленіямъ виновный будетъ подвергнутъ болѣе или менѣе продолжительному тюремному заключенію; если же преслѣдованіе противъ обвиняемаго возбуждено въ волостномъ судѣ, то наказаніе его ограничится кратковременнымъ арестомъ. Такимъ образомъ, благодаря полной несогласованности карательныхъ постановленій, примѣняемыхъ волостнымъ судомъ, съ общими карательными нормами, дѣятельность этого суда по уголовнымъ дѣламъ колеблетъ въ населеніи уваженіе къ закону и, по общему удостовѣренію мѣстныхъ комитетовъ, внушаетъ ему убѣжденіе, что лица привилегированныхъ классовъ въ большей мѣрѣ ограждаются закономъ отъ преступныхъ посягательствъ, чѣмъ крестьяне.

Въ виду того, что съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго уголовного уложенія утратитъ силу уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, на который ссылаются дѣйствующія правила о волостномъ судѣ при опредѣленіи его подсудности по уголовнымъ дѣламъ, комиссія признала цѣлесообразнымъ составить проектъ особаго волостного устава о наказаніяхъ, въ которомъ предусмотрѣны всѣ проступки, подлежащіе вѣдѣнію волостного суда. Согласно этому проекту предполагается расширить нѣсколько тѣ карательныя полномочія, которыя предоставлены нынѣ волостному суду. Независимо отъ денежной пени и ареста, къ которымъ и нынѣ можетъ приговаривать волостной судъ, комиссія устанавливаетъ, какъ высшую мѣру наказанія за подвѣдомственные этому суду проступки, тюремное заключеніе срокомъ до одного мѣсяца. Такъ какъ при этомъ кругъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ нынѣ волостному суду, оставляется комиссіей безъ измѣненія, то и въ случаѣ утвержденія проектированнаго ею волостного устава о наказаніяхъ сохранится прежнее различіе въ сте-

пени наказуемости однихъ и тѣхъ же проступковъ въ зависимости отъ того, совершены ли они въ средѣ крестьянъ или же направлены противъ лицъ, не подвѣдомственныхъ волостному суду.

Полное устраненіе такого различія, по мнѣнію комисіи, не можетъ быть достигнуто за невозможностью предоставить волостному суду болѣе широкія полномочія, чѣмъ тѣ, которыя указаны въ проектѣ. Между тѣмъ едва-ли подобнымъ соображеніемъ можетъ быть оправдываемо сохраненіе того порядка, который столь рѣзко нарушаетъ принципы справедливости. Если волостной судъ представляется настолько несовершеннымъ учрежденіемъ, что ему, по мнѣнію комисіи, не можетъ быть ввѣрена обширная карательная власть, то необходимо или замѣнить этотъ судъ другимъ болѣе совершеннымъ, или же ограничить его подсудность самыми маловажными проступками, влекущими за собою лишь незначительныя взысканія. Невозможно однако мѣру наказанія за тѣ или иныя преступныя дѣянія ставить въ зависимость не отъ ихъ свойства, а отъ степени совершенства организаціи того суда, ко- ему они подсудны. Установленіе подобнаго принципа равносильно полному отрицанію самыхъ элементарныхъ началъ уголовного права.

При разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ волостной судъ въ силу дѣйствующихъ о немъ правилъ долженъ руководствоваться существующими мѣстными обычаями. При крайне слабомъ развитіи среди крестьянъ обычнаго права, далеко не предусматривающаго всѣхъ тѣхъ юридическихъ отношеній, которыя нерѣдко возникаютъ нынѣ среди сельскаго населенія, упомянутое правило равносильно предоставленію волостному суду права разрѣшать подвѣдомственные ему имущественные споры по своему усмотрѣнію. Такое положеніе, по мнѣнію комисіи, не можетъ быть болѣе терпимо. Какъ бы ни былъ несовершененъ законъ, регулирующий имущественныя отношенія, онъ во всякомъ случаѣ можетъ служить болѣе надежнымъ руководствомъ для суда, чѣмъ шаткій и измѣнчивый обычай. При отсутствіи закона, коимъ обязательно долженъ руководствоваться судъ въ своей дѣятельности, немыслимо ни правосудіе

вообще, ни укрѣпленіе въ народномъ сознаніи спокойнаго и правильнаго пониманія своего и чужого права, своихъ и чужихъ обязанностей.

Придя къ такому заключенію, коммисія не находитъ однако возможнымъ распространить дѣйствіе общихъ гражданскихъ законовъ на дѣятельность волостныхъ судовъ. По ея мнѣнію, нашъ гражданскій кодексъ построенъ на началахъ индивидуальности и капитализма, а между тѣмъ весь гражданскій правооборотъ у крестьянъ образовался на основахъ порядка семейнаго и общиннаго, въ широкомъ смыслѣ этого слова, и на принципѣ проведенія во многихъ гражданскихъ институтахъ началъ общественныхъ и трудовыхъ. Вслѣдствіе этого наши гражданскія узаконенія, рассчитанныя на примѣненіе ихъ къ сложнымъ и цѣннымъ имущественнымъ оборотамъ экономически развитой среды и не предусматривающія простѣйшихъ правоотношеній сельскаго земледѣльческаго населенія, не могутъ быть положены въ основу дѣятельности волостныхъ судовъ. Независимо отъ того эти узаконенія и по самому способу своего изложенія мало доступны пониманію людей, не свѣдущихъ въ правѣ и не умѣющихъ разбираться въ отвлеченныхъ положеніяхъ, а потому и не могутъ быть преподаны къ руководству волостныхъ судей. Исходя изъ этихъ соображеній, коммисія признала необходимымъ выработать для руководства волостныхъ судей особый сельскій судебный уставъ, заключающій въ себѣ два отдѣла: о договорахъ и о наслѣдованіи. Изданіемъ этого устава, по предположеніямъ коммисіи, не исключается примѣненіе обычая. Въ области наслѣдственнаго права обычай по прежнему сохранить первенствующее значеніе, и постановленія сельскаго устава о наслѣдованіи могутъ имѣть примѣненіе только при отсутствіи обычая. Напротивъ того, въ области обязательнаго права постановленіямъ сельскаго устава предполагается присвоить преобладающее значеніе; примѣненіе же обычая можетъ быть допущено лишь при отсутствіи закона, предусматривающаго данное правоотношеніе.

Остановливаясь на этихъ предположеніяхъ, нельзя не замѣтить, что стремленіе коммисіи создать для волостнаго суда

особый гражданский кодексъ, построенный на иныхъ началахъ, чѣмъ общіе гражданскіе законы, представляется ошибочнымъ въ самомъ своемъ основаніи. Волостному суду подвѣдомственны не всѣ имущественные споры крестьянъ, а только тѣ изъ нихъ, которые по своей цѣнности не превышаютъ определенной суммы. Независимо отъ того, крестьяне подвѣдомственны волостному суду только въ спорахъ ихъ между собою и съ лицами непривилегированныхъ состояній, проживающихъ въ предѣлахъ волости; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ имущественные споры крестьянъ не подвѣдомственны волостному суду. Вслѣдствіе этого въ случаѣ изданія для упомянутаго суда особаго сельскаго судебнаго устава, построеннаго на иныхъ началахъ, чѣмъ общіе гражданскіе законы, одни и тѣ же имущественныя правоотношенія крестьянъ регулировались бы двумя различными узаконеніями въ зависимости отъ цѣнности права, составляющаго предметъ этихъ правоотношеній, и отъ принадлежности лицъ, съ которыми они возникли, къ тому или иному сословію. Такимъ образомъ одни и тѣ же имущественные споры крестьянъ, вытекающіе изъ совершенно тождественныхъ правоотношеній, разрѣшались бы различно, смотря по тому, подвѣдомственны ли эти споры волостному суду, руководствующемуся сельскимъ судебнымъ уставомъ, или же они подлежатъ вѣдѣнію другихъ судебныхъ установленій, обязанныхъ примѣнять общій законъ. Нужно думать, что такія послѣдствія изданія сельскаго устава, вопреки ожиданіямъ комисіи, едва-ли будутъ способствовать укрѣпленію въ народномъ сознаніи стойкаго и правильнаго пониманія своихъ и чужихъ правъ, своихъ и чужихъ обязанностей.

Задаваясь цѣлью выработать для волостного суда особый сельскій уставъ, построенный на иныхъ началахъ, чѣмъ общіе гражданскіе законы, но приспособленный къ особенностямъ быта крестьянъ, комисіа упускаетъ однако изъ вида, что волостному суду подвѣдомственны не только крестьяне, но также мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, проживающіе въ предѣлахъ волости. Если, по мнѣнію комисіи, наши общіе гражданскіе законы, построенные на на-

чалахъ индивидуальности и капитализма, непригодны вообще для регулированія имущественныхъ отношеній крестьянъ и потому требуютъ коренной ихъ переработки соотвѣтственно потребностямъ и основамъ крестьянской жизни, то представляется совершенно непонятнымъ, почему переработанные на такихъ началахъ гражданскіе законы должны также регулировать имущественныя отношенія проживающихъ въ предѣлахъ волости ремесленниковъ и цеховыхъ, которые и по своимъ занятіямъ, и по бытовымъ своимъ особенностямъ имѣютъ весьма мало общаго съ крестьянами. Послѣдовательное развитіе тѣхъ положеній, изъ которыхъ исходила коммисія при составленіи сельскаго судебнаго устава, требовало бы также изданія особыхъ гражданскихъ кодексовъ для ремесленниковъ, купцовъ и вообще всѣхъ другихъ группъ населенія, представляющихъ какія-либо бытовыя особенности, но само собою разумѣется, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Гражданскіе законы, регулирующие имущественныя отношенія, должны быть едиными для всего населенія, и начала, на которыхъ они построены, не могутъ видоизмѣняться въ зависимости отъ профессій и особенностей быта отдѣльныхъ лицъ. То, что признается правомѣрнымъ для однихъ классовъ населенія, не можетъ быть признано неправомѣрнымъ для другихъ.

Въ подтвержденіе невозможности проведенія въ крестьянскую жизнь тѣхъ началъ, на которыхъ построены наши общіе гражданскіе законы, приводятся два примѣра, но оба они представляются мало убѣдительными. Въ X томѣ, въ отдѣлѣ наследственнаго права, установлено общее начало, въ силу котораго ближайшій родственникъ, при отсутствіи завѣщанія, отстраняется отъ наследованія дальнѣйшаго. По мнѣнію коммисіи, это начало, вполне правомѣрное въ примѣненіи его ко всѣмъ другимъ сословіямъ, привело бы къ вопіющей несправедливости въ случаѣ примѣненія его къ крестьянамъ, такъ какъ при этомъ дальнѣйшій родственникъ наследодателя, посвятившій всѣ свои силы и труды на поддержаніе и развитіе принадлежавшаго послѣднему хозяйства, долженъ былъ бы уступить право наследованія ближайшему

родственнику, относившемуся всегда совершенно безучастно и къ умершему, и къ его хозяйству.

Между тѣмъ, если отстраненіе отъ наслѣдованія дальнѣйшаго родственника ближайшимъ и можетъ быть разсматриваемо въ приведенномъ примѣрѣ какъ вопіющая несправедливость, то такая несправедливость никоимъ образомъ не можетъ быть отнесена къ винѣ закона и вовсе не доказываетъ нежелательности проведенія его въ крестьянскую жизнь. Опредѣляя порядокъ наслѣдованія при отсутствіи завѣщанія, законъ только и можетъ руководствоваться близостью кровнаго родства съ наслѣдодателемъ, а не личными къ нему отношеніями того или иного изъ его родственниковъ. Значеніе кровной связи въ современномъ обществѣ даетъ достаточное основаніе къ предположенію, что ближайшій родственникъ наслѣдодателя, не оставившаго завѣщанія, является тѣмъ именно лицомъ, которому умершій желалъ предоставить право наслѣдованія. Если однако въ отдѣльныхъ случаяхъ такое предположеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то отъ наслѣдодателя зависитъ вполне отстранить отъ наслѣдованія ближайшаго родственника и указать въ завѣщаніи то лицо, которому онъ желаетъ предоставить наслѣдство.

Указываемыя комиссіей послѣдствія примѣненія общихъ законовъ о наслѣдованіи къ крестьянской средѣ вполне возможны не только въ средѣ крестьянъ, но и другихъ классовъ населенія. Въ силу этихъ законовъ дальнѣйшій родственникъ фабриканта, посвятившій всѣ свои силы и знанія на улучшеніе и развитіе фабричнаго его дѣла, точно такъ же будетъ отстраненъ отъ наслѣдованія ближайшимъ родственникомъ умершаго собственника, не принимавшимъ никакого участія въ его дѣлахъ, если только наслѣдодатель не составилъ завѣщанія, заключающаго въ себѣ противоположное распоряженіе. Коль скоро однако комиссія не усматриваетъ никакой несправедливости въ примѣненіи къ подобнымъ случаямъ общихъ началъ нашихъ законовъ о наслѣдованіи, то нѣтъ никакого основанія для признанія несправедливости этихъ началъ и въ примѣненіи ихъ къ аналогичнымъ случаямъ въ крестьянской жизни.

Столь же же мало убѣдительнымъ представляется и другой примѣръ, приводимый комиссіей въ подтвержденіе невозможности подчиненія крестьянъ дѣйствию общихъ гражданскихъ законовъ. На основаніи этихъ законовъ для дѣйствительности долгового обязательства и завѣщательнаго распоряженія требуется безусловно облеченіе ихъ въ форму письменнаго акта. Между тѣмъ проведеніе этого правила въ сельскую жизнь, по мнѣнію комиссіи, представляется совершенно невозможнымъ. Примѣненіе этого правила привело бы къ тому, что долгъ въ нѣсколько рублей, сдѣланный крестьяниномъ у крестьянина въ присутствіи всего сельскаго схода, но безъ составленія письменной росписки, не подлежалъ бы взысканію. Точно такъ же словесное завѣщательное распоряженіе крестьянина о своемъ имуществѣ, хотя бы оно было сдѣлано въ присутствіи созванныхъ для этого родныхъ и даже духовенства, было бы лишено всякой юридической силы.

Остановливаясь на этихъ соображеніяхъ, нельзя не замѣтить, что требованіе письменнаго акта для доказательства существованія тѣхъ или иныхъ имущественныхъ правъ установлено въ виду необходимости оградить весьма важные имущественные интересы населенія. Въ этихъ гарантіяхъ крестьяне нуждаются не меньше, чѣмъ и всѣ другія сословія. Особенности крестьянскаго быта вовсе не даютъ никакихъ указаній на то, чтобы въ отличіе отъ другихъ классовъ населенія въ ихъ средѣ свидѣтельскія показанія могли служить такимъ же надежнымъ доказательствомъ существованія опредѣленныхъ юридическихъ отношеній, какъ и письменные акты. Нельзя отрицать, конечно, возможности такихъ исключительныхъ случаевъ, когда и при отсутствіи письменнаго акта фактъ заключенія займа можетъ быть установленъ съ полною достовѣрностью. Если удостовѣреніе сельскаго схода, въ присутствіи котораго крестьянинъ сдѣлалъ у крестьянина заемъ въ нѣсколько рублей, можетъ, по мнѣнію комиссіи, служить доказательствомъ наличности долга, то нѣтъ никакого основанія не придавать значенія такого же доказательства удостовѣренію дворянскаго собранія, въ присутствіи котораго одинъ дворянинъ сдѣлалъ заемъ у другого дворянина въ нѣсколько тысячъ или нѣсколько десят-

ковъ тысячъ рублей. Между тѣмъ за невозможностью опредѣлить въ законѣ всѣ тѣ условія, при наличности которыхъ свидѣтельскія показанія могутъ служить доказательствомъ долга по займу, наши гражданскіе законы, для предотвращения возможныхъ злоупотребленій, вполне правильно предъявляютъ безусловное требованіе, чтобы договоръ займа былъ облеченъ въ форму письменнаго акта.

Еще болѣе вѣскія соображенія легли въ основу закона, не признающаго никакого значенія за словесными завѣщательными распоряженіями, такъ какъ облеченное въ письменную форму завѣщаніе не только представляетъ собою болѣе достовѣрное доказательство полного соотвѣтствія заключающихся въ немъ распоряженій съ волею завѣщателя, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ извѣстной гарантіей того, что распоряженія завѣщателя сдѣланы имъ сознательно, а не подъ вліяніемъ преходящаго раздраженія или страсти. Такія гарантіи, очевидно, не могутъ быть признаны излишними для крестьянъ только потому, что въ большинствѣ случаевъ предметомъ ихъ завѣщательныхъ распоряженій могутъ быть лишь такія имущества, которыя не представляютъ собою большой цѣнности. Законъ долженъ въ одинаковой мѣрѣ ограждать права и интересы всѣхъ классовъ населенія внѣ всякой зависимости отъ той цѣнности, которую они собою представляютъ.

Не раздѣляя мнѣнія комисіи о необходимости составленія особаго сельскаго устава, который регулировалъ бы имущественныя отношенія крестьянъ на иныхъ началахъ, чѣмъ общіе гражданскіе законы, мы далеки однако отъ мысли, что эти законы могутъ быть всецѣло распространены на крестьянъ безъ всякихъ ихъ измѣненій и дополненій. Нѣкоторыя постановленія X тома, въ особенности же тѣ изъ нихъ, которыя касаются порядка наслѣдованія и раздѣла наслѣдственныхъ имуществъ, до распространенія ихъ на сельское населеніе несомнѣнно требуютъ ближайшаго ихъ соображенія съ условіями крестьянскаго землевладѣнія и соотвѣтственной переработки. Необходимыя дополненія и измѣненія нашихъ гражданскихъ законовъ въ этомъ отношеніи могли бы быть однако выполнены съ полнымъ успѣхомъ Высочайше учре-

жденною коммисією по составленію гражданскаго уложенія, заканчивающею нынѣ свой трудъ. Указаніе составителей проекта на недоступность новаго гражданскаго уложенія пониманію волостныхъ судей нисколько не оправдываетъ составленія особаго для нихъ кодекса, приспособленнаго къ ихъ пониманію. Коль скоро при существующей организаціи волостного суда члены его не въ силахъ даже уяснить себѣ сущность и значеніе тѣхъ законовъ, которые они должны примѣнять при разрѣшеніи подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ, то это можетъ служить лишь новымъ доказательствомъ необходимости полной реорганизаціи этого суда и замѣны его другимъ болѣе совершеннымъ. Изданіе же при такихъ условіяхъ особаго сельскаго устава, предназначеннаго для руководства волостного суда, представляется совершенно безцѣльнымъ. Какъ бы ни было просто изложеніе этого устава, содержаніе его останется совершенно неизвѣстнымъ для большинства волостныхъ судей. Въ виду того, что судейскія обязанности не составляютъ исключительной ихъ профессіи, а исполняются ими наряду съ обычными работами крестьянъ-земледѣльцевъ, едва ли можетъ возникнуть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что эти судьи-земледѣльцы, нерѣдко совершенно неграмотные, будутъ лишены даже возможности изучить всѣ тѣ многочисленныя узаконенія, которыя содержатся въ проектѣ сельскаго устава.

IV.

При пересмотрѣ узаконеній, опредѣляющихъ права крестьянъ на надѣльныя земли и порядокъ пользованія ими, составители проекта исходятъ изъ того положенія, что всякая насильственная ломка вѣками сложившагося у насъ крестьянскаго земельного строя не только не отвѣчала бы дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянъ, но едва-ли встрѣтила бы даже сочувствіе въ ихъ средѣ. Несмотря на глубокое различіе во взглядахъ на относительныя преимущества общиннаго и подворнаго владѣнія, обѣ эти формы крестьянскаго землевладѣнія въ томъ видѣ, какъ онѣ сложились у

насъ, создали въ сельской жизни цѣлый рядъ такихъ условій, которыя лишаютъ крестьянъ возможности болѣе совершеннаго, чѣмъ нынѣ, пользованія производительными силами земли. Въ ряду этихъ условій надлежитъ прежде всего отмѣтить ту зависимость хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ крестьянъ отъ хозяйственныхъ распоряженій всего общества, которая замѣчается въ одинаковой мѣрѣ какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи. Такими же тормозами, задерживающими успѣхи земледѣльской культуры какъ на общинныхъ земляхъ, такъ и на земляхъ подворнаго владѣнія, должны быть признаны крайняя дробность и черезполосность принадлежащихъ отдѣльнымъ дворамъ участковъ и удаленность пахотныхъ полей отъ усадебной осѣдлости. Отсюда коммисія заключаетъ, что крайнее несовершенство современнаго крестьянскаго хозяйства находится внѣ всякой зависимости отъ юридической природы общиннаго и подворнаго владѣнія. Простой переходъ отъ общиннаго землепользованія къ подворному не можетъ оказать никакого вліянія ни на повышение производительности крестьянскихъ земель, ни на примѣненіе крестьянами болѣе интенсивныхъ системъ хозяйства. Вслѣдствіе этого задача законодателя заключается, по мнѣнію коммисіи, не въ насильственной ломкѣ существующаго у насъ земельного строя, а въ примѣненіи лишь цѣлаго рода такихъ мѣръ, направленныхъ къ устраненію дробности и черезполосности крестьянскихъ земель и поощренію хуторскаго хозяйства, которыя предоставили бы отдѣльнымъ крестьянамъ возможность перейти къ болѣе совершеннымъ системамъ обработки земли.

Ограничивая этими рамками задачу пересмотра дѣйствующихъ узаконеній о надѣльныхъ земляхъ, проектъ оставляетъ безъ существенныхъ измѣненій тѣ постановленія закона, которыми опредѣляются нынѣ сущность и объемъ права отдѣльныхъ крестьянъ на означенныя земли. Между тѣмъ, вопреки мнѣнію коммисіи, эти законодательныя постановленія оказываютъ несомнѣнно крайне неблагоприятное вліяніе на способы эксплуатаціи надѣльныхъ земель. Тѣсная зависимость успѣховъ земледѣльской культуры отъ господствующихъ въ

странѣ формъ землевладѣнія представляется въ наукѣ общепризнаннымъ фактомъ и едва-ли можетъ возбуждать какія-либо сомнѣнія. Можно не оспаривать того положенія, что простой переходъ отъ общиннаго къ подворному владѣнію нисколько не увеличитъ производительности надѣльныхъ земель, но отсюда далеко еще до вывода, что крайнее несовершенство современнаго крестьянскаго хозяйства на надѣльныхъ земляхъ находится внѣ всякой зависимости отъ юридической природы какъ общиннаго, такъ и подворнаго владѣнія.

И та и другая форма землевладѣнія представляютъ собою различные виды коллективнаго права собственности. При общинномъ владѣніи собственникомъ земли является все крестьянское общество, а отдѣльнымъ крестьянамъ предоставлено лишь право участія въ пользованіи отведенною обществу землею. При подворномъ же владѣніи собственникомъ подворнаго участка признается крестьянскій дворъ, а отдѣльные входящіе въ составъ этого двора крестьяне имѣютъ лишь право участія въ совмѣстномъ пользованіи этимъ участкомъ. Такимъ образомъ нынѣ отдѣльные крестьяне не пользуются вовсе правомъ личной собственности на надѣльные земли. Между тѣмъ общеизвѣстенъ фактъ, что это право является однимъ изъ самыхъ могучихъ стимуловъ, побуждающихъ владѣльца къ возможному улучшенію своего земельного участка и увеличенію его производительности. Извѣстно также, и сама коммисія не отрицаетъ этого, что коллективная собственность, коль скоро она установлена велѣніемъ закона, а не по добровольному соглашенію совладѣльцевъ, неизбѣжно приводитъ къ упадку доходности и цѣнности того имущества, которое составляетъ предметъ общей собственности. При такихъ же условіяхъ едва-ли возможно утверждать, что дѣйствующія узаконенія, не допускающія установленія права личной собственности на надѣльные земли, не оказываютъ неблагоприятнаго вліянія на успѣхи земледѣльской культуры на означенныхъ земляхъ.

Составители проекта полагаютъ, что вмѣшательство законодателя въ хозяйственную дѣятельность крестьянскаго насе-

ленія представляется вообще нецѣлесообразнымъ и потому велѣніемъ закона не могутъ быть устанавливаемы тѣ или иные способы пользованія землею. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться и можно пожалѣть лишь о томъ, что безспорное положеніе о нежелательности правительственнаго вмѣшательства въ хозяйственную дѣятельность земледѣльческаго населенія упускается изъ вида при организаціи управленія крестьянъ. Ссылаясь однако на это положеніе, коммисія смѣшиваетъ понятіе о способахъ землепользованія съ понятіемъ о формахъ землевладѣнія. Выборъ тѣхъ или иныхъ способовъ пользованія надѣльными землями на началахъ общинныхъ, артельныхъ, семейныхъ или какихъ-либо иныхъ долженъ быть всецѣло предоставленъ усмотрѣнію самихъ крестьянъ, и никакое вмѣшательство въ эту область со стороны закона не должно имѣть мѣста. Что же касается сущности и объема тѣхъ правъ, предоставляемыхъ отдѣльнымъ крестьянамъ на надѣльные земли, коими опредѣляются самыя формы землевладѣнія, то они могутъ и должны быть установлены закономъ безъ всякаго соображенія съ тѣми воззрѣніями, которыя въ данное время господствуютъ по этому предмету среди земледѣльческаго населенія.

Въ каждомъ государствѣ земля составляетъ совершенно необходимое орудіе производства и главнѣйшую основу его благосостоянія. Съ возрастаніемъ населенія потребность въ землѣ увеличивается, а между тѣмъ пространство ея остается безъ измѣненія. Только путемъ величайшихъ усилій и затратъ, направленныхъ къ осушенію болотъ или укрѣпленію сыпучихъ песковъ, удается иногда расширить нѣсколько площадь пригодныхъ для культуры земель, но и такое ихъ увеличеніе имѣетъ свои предѣлы. Вслѣдствіе этого возможно широкая и правильная эксплуатація земли пріобрѣтаетъ громадное значеніе не только для лицъ, занятыхъ непосредственно ея обработкою, но и для всего населенія страны и общихъ государственныхъ интересовъ. Такъ какъ успѣшность хозяйственной дѣятельности населенія, направленной въ эксплуатаціи производительныхъ силъ земли, зависитъ прежде всего отъ свободы личной инициативы, то о

какой-либо регламентаціи этой дѣятельности не можетъ быть и рѣчи. Опредѣляя, однако, права земледѣльческаго населенія на землю, законъ не только въ правѣ, но и обязанъ создать такія формы землевладѣнія, которыя устраняли бы всякія преграды для широкаго и правильнаго развитія хозяйственной дѣятельности страны.

Главнѣйшіе недостатки существующихъ формъ владѣнія надѣльными землями заключаются, по мнѣнію комиссіи, въ зависимости хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ крестьянъ отъ общихъ хозяйственныхъ распоряженій общества и сверхъ того въ дробности и черезполосности тѣхъ полосъ и земельныхъ участковъ, которые входятъ въ составъ владѣнія отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ. Вслѣдствіе этого въ видахъ улучшенія условій хозяйственной дѣятельности крестьянъ комиссія признаетъ вполне достаточнымъ ограничиться установленіемъ такихъ лишь мѣръ, которыя направлены къ поощренію хуторскаго хозяйства крестьянъ и устраненію дробности и черезполосности ихъ владѣнія. Не отрицая весьма важнаго значенія этихъ мѣръ, нельзя однакоже не замѣтить, что всѣ онѣ могутъ привести къ цѣли лишь при одномъ условіи кореннаго измѣненія того основнаго начала, на которомъ построены обѣ существующія нынѣ формы крестьянскаго землевладѣнія.

По предположеніямъ комиссіи, субъектомъ правъ на владѣніе надѣльными участками должны быть признаны не отдѣльные крестьяне и не крестьянскія семьи, а такъ называемый крестьянскій дворъ, т. е. опредѣленная группа лицъ, проживающихъ на одномъ и томъ же земельномъ участкѣ и занятыхъ его обработкою. Наличие близкихъ родственныхъ связей не является необходимымъ условіемъ для принадлежности къ тому или иному двору. Отецъ и сынъ могутъ входить въ составъ различныхъ крестьянскихъ дворовъ, и, наоборотъ, лица, вовсе не связанные между собою узами кровнаго родства, могутъ быть равноправными членами одного и того же двора. Такимъ образомъ организація его построена не столько на семейныхъ, сколько на трудовыхъ началахъ. Право участія въ пользованіи общимъ имуществомъ двора

обусловливается прежде всего не близостью кровных родственных связей, а участием въ трудахъ и затратахъ на веденіе общаго хозяйства. Крестьянскій дворъ представляется поэтому совершенно своеобразнымъ институтомъ, построеннымъ на взаимно исключаящихъ другъ друга началахъ. По существу своему крестьянскій дворъ долженъ быть признанъ однимъ изъ видовъ трудовыхъ артелей или кооперативныхъ союзовъ, направленныхъ къ достиженію опредѣленныхъ хозяйственныхъ цѣлей, но, въ противоположность тому принципу, который лежитъ въ основѣ всѣхъ кооперативныхъ ассоціацій, совмѣстная хозяйственная дѣятельность членовъ крестьянскаго двора обусловливается не свободнымъ соглашеніемъ входящихъ въ составъ его лицъ, а велѣніемъ закона.

Дабы такая искусственная организація могла функционировать, коммисія проектируетъ длинный рядъ статей, регулирующихъ взаимныя отношенія членовъ крестьянскаго двора и права домохозяина. Видное мѣсто среди этихъ постановленій отведено вопросу о томъ, кто долженъ быть домохозяиномъ, завѣдывающимъ общимъ хозяйствомъ крестьянскаго двора. Вопросъ этотъ разрѣшается проектомъ въ томъ смыслѣ, что при отсутствіи общаго родоначальника всѣхъ членовъ двора домохозяинъ избирается по взаимному ихъ между собою соглашенію. Такъ какъ трудно однако рассчитывать на возможность такого соглашенія въ виду естественнаго желанія каждаго члена двора стать домохозяиномъ, то на случай возникновенія между ними спора по этому предмету проектъ отсылаетъ ихъ къ волостному суду. Послѣдній разрѣшаетъ спорный вопросъ на основаніи существующихъ мѣстныхъ обычаевъ, а, при отсутствіи таковыхъ, соотвѣтственно подробнымъ правиламъ, преподаннымъ на этотъ случай въ проектѣ.

Останапливаясь на всѣхъ этихъ предположеніяхъ, нельзя не задаться вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ предоставленіе права владѣнія надѣльными землями не отдѣльнымъ крестьянамъ, а крестьянскимъ дворамъ, можетъ обезпечить успѣшность хозяйственной дѣятельности нашего крестьянскаго на-

селенія. Возможно ли рассчитывать на то, чтобы производительность этихъ земель была поставлена на надлежащую высоту, коль скоро успѣхъ ихъ эксплуатаціи находится въ зависимости не отъ личной инициативы и предприимчивости владѣльца, а отъ дружной совмѣстной работы принудительно составленныхъ рабочихъ союзовъ, руководимыхъ въ своей дѣятельности навязаннымъ имъ рѣшеніемъ суда домохозяиномъ. Всѣ эти вопросы едва-ли однако допускаютъ возможность двухъ мнѣній. Всякая трудовая ассоціація является желаннымъ факторомъ производительной дѣятельности страны, но лишь при условіи образованія такой ассоціаціи на началахъ непринужденнаго согласія входящихъ въ составъ ея лицъ. При отсутствіи же этого условія, когда въ принудительно поддерживаемыхъ рабочихъ союзахъ нѣтъ такого распорядителя, пользующагося общепризнаннымъ авторитетомъ, который былъ бы способенъ объединить и направлять работу отдѣльныхъ ихъ членовъ, о возможности успѣшной и производительной дѣятельности такихъ союзовъ не можетъ быть и рѣчи.

Не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что, вводя въ проектъ институтъ крестьянскаго двора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сложился подъ вліяніемъ неудачныхъ сенатскихъ разъясненій, составители проекта преслѣдуютъ неблагодарную задачу. Независимо отъ того, не допуская въ принципѣ установленія права личной собственности на надѣльные земли, коммисія становится въ прямое противорѣчіе съ однимъ изъ основныхъ началъ Положенія 19 февраля 1861 г. Разсматривая дѣйствующія узаконенія, опредѣляющія права крестьянъ на надѣльные земли, независимо отъ тѣхъ разъясненій, которыя послѣдовали по этому предмету въ многочисленныхъ сенатскихъ рѣшеніяхъ, нельзя не убѣдиться въ томъ, что въ общинномъ и подворномъ владѣніи законъ вовсе не имѣлъ въ виду создать двѣ различныхъ формы коллективной собственности. Напротивъ того, въ цѣломъ рядѣ постановленій закона подворное владѣніе противопоставляется общинному, какъ институтъ личной собственности. Вопреки разъясненіямъ Сената, признающимъ подворные участки общею собственностью двора и потому не подлежащими переходу въ порядкѣ наследова-

нія при наличности хотя бы одного члена этого двора, дѣйствующій законъ не только именуешь подворные участки наследственными, но и указываетъ порядокъ перехода ихъ по наследству отъ одного члена двора къ другому. Наличность въ дѣйствующемъ законѣ особыхъ по этому предмету постановленій устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что подворные участки должны составлять личную собственность владѣльца, такъ какъ въ томъ случаѣ, если бы послѣдній былъ только завѣдывающимъ общимъ хозяйствомъ, принадлежащимъ всему двору, о переходѣ послѣ его смерти подворнаго участка въ порядкѣ наследованія отъ одного члена двора къ другому не могло бы быть и рѣчи.

Противоположныя разъясненія Правительствующаго Сената, не соотвѣтствующія буквальному смыслу закона, оправдываются вполнѣ тѣми благими цѣлями, которыя имѣлись при этомъ въ виду. Эти разъясненія служатъ коррективомъ того созданнаго при надѣленіи крестьянъ положенія, въ силу котораго нерѣдко одинъ и тотъ же подворный участокъ отводился въ надѣлъ не одной только семьѣ, а представителямъ двухъ или нѣсколькихъ семействъ. При такихъ условіяхъ признаніе подворнаго участка личною собственностью одного лишь домохозяина поставило бы въ безправное и необезпеченное положеніе тѣхъ крестьянъ, которые не получили особаго надѣла, а были надѣлены вмѣстѣ съ другою семьей, въ составѣ которой они числились по спискамъ, хотя въ дѣйствительности и не были ея членами. Для устраненія такого безправнаго положенія упомянутыхъ крестьянъ Сенатъ и установилъ въ своихъ рѣшеніяхъ тотъ тезисъ, въ силу котораго подворный участокъ долженъ составлять общую собственность всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ крестьянскаго двора.

При пересмотрѣ законоположеній о крестьянахъ не представляется однако никакихъ основаній оставлять въ силѣ это установленное Сенатомъ положеніе, такъ какъ тѣ цѣли, которыя имѣлись въ виду при его установленіи, могутъ быть достигнуты инымъ путемъ, безъ введенія въ наше законодательство такихъ постановленій, которыя несомнѣнно окажутъ

самое неблагопріятное вліяніе на условія хозяйственной дѣятельности крестьянъ, а слѣдовательно и на ихъ благосостояніе. Самые настоятельные интересы крестьянъ требуютъ не только признанія права личной собственности ихъ на принадлежащіе имъ подворные участки, но и на тѣ земли, которыя, состоя нынѣ лишь въ ихъ пользованіи, составляютъ собственность всего общества. Осуществленію такой мѣры не можетъ быть придаваемо значеніе насильственной ломки установившихся у насъ способовъ пользованія надѣльною землею, такъ какъ, и по признаніи за крестьянами права личной собственности на состоящія въ ихъ пользованіи земли, они не будутъ лишены возможности пользоваться ими сообща на общинныхъ началахъ, коль-скоро они признаютъ это соотвѣтствующимъ ихъ интересамъ. Между тѣмъ замѣна коллективной собственности собственностью личною, внося надлежащую опредѣленность въ земельныя права отдѣльныхъ крестьянъ и устранивъ хозяйственную зависимость ихъ отъ другихъ совладѣльцевъ, поставитъ ихъ въ такія условія, при которыхъ они будутъ имѣть возможность развить болѣе плодотворную хозяйственную дѣятельность, чѣмъ та, которую они проявляютъ въ настоящее время. вмѣстѣ съ тѣмъ только съ осуществленіемъ этой мѣры исчезнутъ тѣ уродливыя явленія, отмѣченныя нѣкоторыми мѣстными комитетами, когда отдѣльные крестьяне вслѣдствіе невозможныхъ условій, въ которыя поставлена нынѣ хозяйственная ихъ дѣятельность, благодаря установившемуся у насъ земельному строю, забрасываютъ свои почти выкупленные уже надѣлы и тутъ же рядомъ пріобрѣтаютъ по дорогой цѣнѣ такія же земли у сосѣднихъ владѣльцевъ для примѣненія къ нимъ своего труда.

Составители проекта рѣшительно отрицаютъ однако возможность установленія личной собственности крестьянъ на надѣльныя земли, и потому представляется необходимымъ остановиться на тѣхъ соображеніяхъ, которыя приводятъ комиссію къ такому заключенію.

Въ подтвержденіе этого мнѣнія указывается прежде всего на то соображеніе, что надѣльныя земли отведены для обез-

печенія быта всѣхъ вообще крестьянъ, а не отдѣльныхъ только домохозяевъ. Вслѣдствіе этого укрѣпленіе земли въ личную собственность домохозяина поставило бы другихъ членовъ крестьянской семьи въ совершенно необезпеченное положеніе и могло бы привести къ образованію у насъ сельскаго пролетаріата.

Такое опасеніе едва-ли однако можетъ быть признано основательнымъ. Наши общіе гражданскіе законы не устанавливаютъ института семейной собственности, а тѣмъ не менѣе имущество, принадлежащее отдѣльнымъ лицамъ, въ силу крѣпости семейныхъ связей, составляетъ въ дѣйствительности не только личное обезпеченіе собственника, но и всей его семьи. Въ современномъ обществѣ главнѣйшій стимуль, побуждающій отдѣльныхъ лицъ къ упорному труду и приобрѣтенію имущества, заключается въ стремленіи не только къ личному благосостоянію, но и къ обезпеченію тѣхъ близкихъ лицъ, съ которыми соединяютъ ихъ семейные и родственные узы. Въ крестьянской средѣ родственныя и семейныя связи представляются болѣе еще прочными, чѣмъ въ другихъ классахъ населенія, и потому нѣтъ никакого основанія къ предположенію, что съ предоставленіемъ главѣ крестьянской семьи права личной собственности на надѣльную землю всѣ другіе члены семьи будутъ лишены всякаго имущественнаго обезпеченія.

Что касается указанія на возможность образованія у насъ сельскаго безземельнаго пролетаріата, то нельзя, конечно, отрицать того, что замѣна общинной формы владѣнія землею личнымъ землевладѣніемъ неизбѣжно отразится на числѣ лицъ, занятыхъ нынѣ обработкою своихъ земельныхъ участковъ. Въ такомъ фактѣ едва-ли однако можно усмотрѣть что-либо тревожное или угрожающее. Съ увеличеніемъ населенія относительное число лицъ, имѣющихъ земельное обезпеченіе, должно неизбѣжно уменьшиться въ виду неизмѣнности того пространства земли, которое имѣется въ распоряженіи всего населенія. Такое измѣненіе соотношенія между числомъ землевладѣльцевъ и безземельныхъ само по себѣ не можетъ отразиться на общемъ благосостояніи всего населенія или от-

дѣльныхъ его классовъ. Общеизвѣстенъ фактъ, что чисто земледѣльческія государства, въ которыхъ все почти населеніе въ большей или меньшей мѣрѣ обеспечено землею, принадлежатъ къ числу наиболѣе бѣдныхъ и наиболѣе слабо развитыхъ въ экономическомъ отношеніи. Въ настоящее время Россія обладаетъ громаднымъ числомъ лицъ, владѣющихъ землею, но это нисколько не обеспечиваетъ благосостоянія земледѣльческаго ея населенія. Напротивъ того, въ томъ фактѣ, что четыре пятыхъ всего населенія Имперіи заняты исключительно обработкою принадлежащихъ имъ земельныхъ участковъ, заключается одна изъ причинъ крайне печальнаго экономическаго положенія страны, такъ какъ громадныя трудовыя силы всего нашего земледѣльческаго населенія затрачиваются нынѣ на воздѣлываніе такого пространства земли, которое для надлежащей ея обработки требуетъ значительно меньшаго числа рабочихъ рукъ. Стремленіе къ предотвращенію образованія у насъ класса безземельныхъ крестьянъ было бы цѣлесообразнымъ при томъ лишь условіи, если бы земельный фондъ, находящійся въ распоряженіи крестьянъ, былъ вполне достаточенъ для примѣненія къ нему труда и для обеспеченія существованія всего наличнаго нашего земледѣльческаго населенія. Коль-скоро однако и нынѣ крестьянамъ нечего дѣлать на своихъ крошечныхъ надѣлахъ, не обеспечивающихъ ихъ въ самыхъ насущныхъ ихъ потребностяхъ, возможность обезземеленія части этихъ крестьянъ и перехода ихъ къ другимъ производительнымъ занятіямъ едва ли можетъ внушить какія-либо тревожныя опасенія. Такой разрывъ связи ихъ съ землею для занятія другими промыслами можетъ только улучшить, но не ухудшить экономическое положеніе этой части сельскаго населенія.

Другое соображеніе, по которому составители проекта находятъ невозможнымъ укрѣпить надѣльныя земли за крестьянами на правѣ личной собственности, заключается въ томъ, что имущественный строй, основанный на началахъ индивидуальности и капитализма, представляется вообще совершенно чуждымъ правосознанію крестьянъ. Всѣ имущественныя отношенія ихъ построены на основахъ порядка семейнаго и

на началахъ общественныхъ и трудовыхъ, а потому введеніе института личной собственности на надѣльныя земли было бы равносильно разрушенію вѣковыхъ устоевъ ихъ хозяйственной и экономической жизни.

Изъ этой общей характеристики экономического быта нашего земледѣльческаго населенія можно вывести заключеніе, что въ средѣ его укоренился взглядъ на землю, какъ на такое имущество, которое не принадлежитъ никому въ особенности, но составляетъ общее достояніе всѣхъ и должно быть предоставляемо въ пользованіе тѣхъ только лицъ, которыя прилагаютъ къ землѣ свой трудъ на ея обработку.

Какъ извѣстно, въ экономической наукѣ издавна уже существуетъ школа, которая проводитъ подобныя же взгляды не только на землю, но и на всѣ другія орудія производства. Ученіе коллективистовъ подвергается однако рѣзкой научной критикѣ и въ нашихъ правительственныхъ сферахъ не пользуется вообще покровительствомъ, какъ подрывающее основныя устои современнаго соціального строя. Представляется поэтому совершенно непонятнымъ, по какимъ соображеніямъ признается у насъ желательнымъ и цѣлесообразнымъ насаждать и охранять среди земледѣльческаго нашего населенія такіе институты и взгляды, которые сводятся въ своей основѣ къ отрицанію принципа личной собственности на землю и на всѣ принадлежности хозяйства на надѣльныхъ земляхъ.

Еще болѣе однако невыясненными представляются тѣ фактическія данныя, на основаніи которыхъ коммисія пришла къ заключенію, что согласно правовымъ воззрѣніямъ крестьянъ земля не можетъ и не должна быть объектомъ личной собственности. Если выводъ этотъ основанъ на тѣхъ формахъ землевладѣнія, которыя существуютъ нынѣ на надѣльныхъ земляхъ, то не слѣдуетъ забывать, что установленіе ихъ вовсе не зависѣло отъ воли и желанія крестьянъ. Напротивъ того, факты повседневной жизни указываютъ съ полною очевидностью на то, что принципъ общности правъ на землю вовсе не встрѣчаетъ сочувствія среди земледѣльческаго населенія. Отказываясь нерѣдко отъ принадлежащаго имъ права участія въ пользованіи общинною землею, крестьяне въ то же время

всемѣрно стремятся къ тому, чтобы пріобрѣсти землю въ личную собственность, такъ какъ только при этомъ условіи они могутъ развить плодотворную хозяйственную дѣятельность. Рядъ мѣръ, установленныхъ дѣйствующимъ закономъ съ цѣлью воспрепятствованія отдѣльнымъ крестьянамъ выдѣла причитающейся имъ доли общинныхъ земель, свидѣтельствуется о неудержимомъ стремленіи крестьянъ къ пріобрѣтенію той хозяйственной самостоятельности, о которой не можетъ быть и рѣчи при общинномъ владѣніи. Среди многочисленныхъ въ послѣднее время случаевъ покупки земли отдѣльными группами крестьянъ нельзя указать ни одного примѣра покупки ими земли на общинныхъ началахъ. Каждый участникъ въ такой покупкѣ всегда выговариваетъ себѣ въ купчей крѣпости право на опредѣленное пространство земли, съ цѣлью обезпечить за собою исключительное владѣніе этимъ земельнымъ пространствомъ. Нерѣдко вся земля, пріобрѣтенная крестьянскимъ товариществомъ, или опредѣленная ея часть поступаетъ въ общее пользованіе товарищей и даже передѣляется между ними, но доля участія каждаго товарища въ общемъ пользованіи опредѣляется не на общинныхъ началахъ, а въ точномъ соотвѣтствіи съ тѣми правами, которыя пріобрѣтены каждымъ изъ товарищей по купчей крѣпости. Наконецъ, многочисленные споры и жалобы, возникающіе по поводу разверстки общинной земли, выясняютъ также въ достаточной мѣрѣ, насколько начала общиннаго землевладѣнія соотвѣтствуютъ правовымъ воззрѣніямъ крестьянъ. Нерѣдко крестьянскій дворъ, вносившій въ теченіе многихъ лѣтъ выкупные платежи за опредѣленное число душевыхъ надѣловъ, въ виду измѣненія состава двора лишается по приговору схода части состоявшей въ пользованіи его земли. Такое распоряженіе схода, хотя бы оно вполнѣ соотвѣтствовало принятому въ обществѣ основанію для разверстки общинной земли, всегда вызываетъ нескончаемые жалобы и споры. Крестьяне, лишившіеся части своего надѣла, относятся всегда къ подобнымъ распоряженіямъ схода какъ къ акту величайшей несправедливости, такъ какъ, согласно правовымъ ихъ воззрѣніямъ, они не могутъ признать правомѣрнымъ отобраніе отъ нихъ почти выкупленной ими земли

для предоставленія ея въ пользованіе такимъ лицамъ, которыя не принимали никакого участія во взносѣ лежавшихъ на этой землѣ выкупныхъ платежей. Всѣ эти факты, вопреки мнѣнію комисіи, указываютъ съ полною очевидностью, что не общность, а полная раздѣльность правъ на землю признается крестьянами единственно справедливою и цѣлесообразною основою ихъ быта.

Такое заключеніе нисколько не опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что, несмотря на предоставленное крестьянамъ право, они лишь въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ выдѣлу общинныхъ земель на подворные участки. Для объясненія этого факта необходимо имѣть въ виду тѣ трудности, съ которыми сопряженъ такой раздѣлъ общинныхъ земель. Въ виду различія качества почвы и иныхъ условій, коими опредѣляется цѣнность отдѣльныхъ земельныхъ участковъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣніе принадлежитъ двумъ или тремъ собственникамъ, проходитъ обыкновенно много времени, прежде чѣмъ совладѣльцы придутъ между собою къ соглашенію относительно раздѣла, при чемъ нерѣдко за невозможностью добровольнаго по этому предмету соглашенія раздѣлъ производится судебнымъ порядкомъ. Если таковы затрудненія, съ которыми приходится встрѣчаться при раздѣлѣ такого даже имѣнія, которое принадлежитъ немногимъ совладѣльцамъ, то легко себѣ представить тѣ трудности, которыя предстоитъ побороть крестьянамъ для раздѣла ихъ общаго надѣла на нѣсколько десятковъ или на нѣсколько сотъ равноцѣнныхъ участковъ, одинаково пригодныхъ для веденія на нихъ крестьянскаго хозяйства. Какъ бы ни были справедливы выработанныя для раздѣла основанія, въ обществѣ всегда найдется значительное число лицъ, для которыхъ предположенный раздѣлъ покажется невыгоднымъ, и, такъ какъ для дѣйствительности приговора о раздѣлѣ на подворные участки требуется большинство двухъ третей всѣхъ домохозяевъ, то при такихъ условіяхъ осуществленіе раздѣла представляется фактически невозможнымъ. Если бы однако вмѣсто тѣхъ преградъ, которыя ставились до сихъ поръ отдѣльнымъ крестьянамъ въ ихъ стремленіи къ выдѣлу изъ общиннаго владѣнія,

законъ оказывалъ нѣкоторое покровительство такимъ крестьянамъ и облегчалъ бы имъ ихъ задачу, то едва-ли могутъ возникнуть какія-либо сомнѣнія въ томъ, что во многихъ мѣстностяхъ Имперіи объ общинномъ владѣніи сохранились бы нынѣ одни лишь воспоминанія.

Заканчивая обзоръ тѣхъ главныхъ основаній, на которыхъ построенъ проектъ положенія о надѣльныхъ земляхъ, нельзя также не коснуться поддерживаемаго комиссіею принципа неотчуждаемости этихъ земель въ руки членовъ другихъ сословій, такъ какъ этотъ принципъ, по ея мнѣнію, долженъ имѣть руководящее значеніе при пересмотрѣ законоположеній о крестьянахъ.

Хотя составители проекта и указываютъ на то, что принципъ неотчуждаемости надѣльныхъ земель лицамъ другихъ сословій вытекаетъ изъ основныхъ началъ Положенія 19 февраля 1861 г. и составляетъ послѣдовательное ихъ развитіе, но въ этомъ Положеніи едва-ли возможно найти какія-либо постановленія, которыя подтверждали бы такое указаніе комисіи. Напротивъ того, до изданія закона 14 декабря 1893 года отчужденіе надѣльныхъ земель лицамъ другихъ сословій не только не воспрещалось, но прямо дозволялось дѣйствовавшими ранѣе узаконеніями. Тѣмъ не менѣе нельзя не сочувствовать стремленію къ тому, чтобы земли, надѣленные крестьянамъ по распоряженію правительства, навсегда сохранили первоначальное свое назначеніе служить обезпеченіемъ земледѣльческаго населенія, непосредственно прилагающаго свой трудъ для ихъ обработки. Для достиженія этой цѣли нѣтъ однако никакой надобности устанавливать какія-либо ограниченія для тѣхъ или иныхъ сословій относительно пріобрѣтенія этихъ земель. Съ общегосударственной точки зрѣнія не можетъ имѣть никакого значенія вопросъ о томъ, къ какому сословію принадлежитъ лицо, которое личнымъ своимъ трудомъ воздѣлываетъ пріобрѣтенный имъ участокъ надѣльной земли. Весьма существеннымъ однако въ общихъ интересахъ представляется принятіе надлежащихъ мѣръ къ тому, чтобы надѣльные земли не скупались такими лицами, которыя при ихъ покупкѣ имѣютъ въ виду не непосредственную ихъ об-

работку, а совершенно иныя цѣли. Если отставной чиновникъ или сельскій причетникъ, оставшійся не у дѣль, пріобрѣтутъ въ селеніи клочокъ надѣльной земли и займутся ея обработкою, то весьма трудно уяснить себѣ, какіе государственные или общественные интересы потерпятъ отъ того, что этотъ клочокъ земли воздѣлывается не крестьяниномъ, а лицомъ, принадлежащимъ къ какому-либо иному сословію. Съ другой стороны, если членъ крестьянскаго общества станетъ скупать у своихъ односельцевъ принадлежащія имъ надѣлы съ цѣлью сдачи ихъ въ краткосрочную аренду тѣмъ же крестьянамъ на тяжелыхъ для нихъ условіяхъ, то вредъ такого явленія представляется для насъ вполне очевиднымъ. Такимъ образомъ въ огражденіе общественныхъ интересовъ представляется необходимымъ не установленіе какихъ-либо ограниченій для тѣхъ или иныхъ сословій относительно пріобрѣтенія надѣльныхъ земель, а лишь простое воспрещеніе сосредоточенія нѣсколькихъ надѣловъ въ однѣхъ рукахъ и обращеніе ихъ въ латифундіи.

Измѣненіе въ этомъ смыслѣ существующихъ ограниченій относительно отчужденія надѣльныхъ земель представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что нынѣ профессія вовсе не опредѣляется принадлежностью къ тому или иному сословію. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчается весьма много захудалыхъ дворянъ, которые по образу жизни, привычкамъ и обычнымъ своимъ занятіямъ ничѣмъ не отличаются отъ остального земледѣльческаго населенія. Было бы крайне несправедливо лишить этихъ дворянъ права пріобрѣтенія надѣльныхъ земель только потому, что они не приписались къ сельскому состоянію, такъ какъ такая приписка для лицъ привилегированныхъ сословій представляется совершенно невозможною, а между тѣмъ воспрещеніе такимъ дворянамъ-земледѣльцамъ пріобрѣтенія надѣльной земли нерѣдко лишаетъ ихъ всякой возможности создать себѣ сколько-нибудь обезпеченное положеніе.

Въ связи съ существующими ограниченіями относительно отчужденія надѣльныхъ земель, коммисія признаетъ безусловно необходимымъ сохранить установленное закономъ 14 декабря 1893 г. воспрещеніе залога этихъ земель.

Нельзя, конечно, отрицать того, что допущеніе залога надѣльной земли можетъ нерѣдко повлечь за собою обезземленіе отдѣльныхъ крестьянъ. Едва-ли, однако, воспрещеніе залога можетъ предотвратить подобныя явленія. Не дозволяя крестьянамъ пользоваться кредитомъ подъ обезпеченіе принадлежащими имъ надѣльными землями, законъ не можетъ устранить самой потребности крестьянъ въ кредитѣ. Если при современномъ экономическомъ строѣ кредитъ является совершенно необходимымъ факторомъ для правильнаго и широкаго развитія хозяйственной, торговой или промышленной дѣятельности всѣхъ вообще предпринимателей, то такое же значеніе онъ имѣетъ и въ крестьянскомъ быту. Какъ бы ни было скромно по своимъ размѣрамъ то хозяйство, которое ведутъ отдѣльные крестьяне на своихъ надѣльныхъ земляхъ, они не могутъ обойтись безъ кредита, и, хотя дѣйствующій законъ не дозволяетъ принудительной продажи на удовлетвореніе частныхъ взысканій по долгамъ крестьянъ, но этотъ законъ не устраняетъ, однако, необходимости добровольной продажи надѣльныхъ земель такихъ крестьянъ, которые, вслѣдствіе чрезмѣрной своей задолженности и полного отсутствія оборотныхъ средствъ, поставлены въ совершенную невозможность вести самостоятельное хозяйство на своихъ надѣлахъ. При такихъ условіяхъ едва-ли цѣлесообразно лишать крестьянъ возможности пользованія ипотечнымъ кредитомъ. Эта форма кредита, въ особенности, когда ссуда выдается на долгій срокъ на условіяхъ постепеннаго погашенія долга, представляется несравненно болѣе льготною и менѣе опасною для должника, чѣмъ личный кредитъ, не обезпеченный залогомъ. Лишая крестьянъ возможности пользованія ипотечнымъ кредитомъ, законъ затрудняетъ тѣмъ самымъ введеніе крупныхъ улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ на надѣльныхъ земляхъ, такъ какъ всѣ подобнаго рода улучшенія, требующія болѣе или менѣе значительныхъ средствъ, которыми не располагаетъ наше земледѣльческое населеніе, могли бы быть осуществлены лишь въ случаѣ организаціи для крестьянъ правильнаго ипотечнаго кредита. Независимо отъ того, организація такого кредита содѣйстви-

вала бы предотвращенію чрезмѣрнаго дробленія надѣльныхъ земель, такъ какъ отдѣльные крестьяне получили бы при этомъ возможность предоставить одинаковое обезпеченіе своими дѣтямъ, не прибѣгая къ раздѣлу принадлежащаго имъ земельного участка.

Обзоръ тѣхъ главныхъ началъ, которыя положены коммисіей въ основу выработаннаго ею проекта новаго Положенія о крестьянахъ, приводитъ къ убѣжденію, что осуществленіе ея предположеній не внесетъ никакихъ улучшеній въ жизнь и бытъ нашего земледѣльческаго населенія. При пересмотрѣ дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ составители проекта были, повидимому, далеки отъ мысли о необходимости коренной реформы этого законодательства съ цѣлью устраненія изъ него всѣхъ тѣхъ постановленій, которыя оказываютъ нынѣ столь неблагопріятное вліяніе на хозяйственную дѣятельность крестьянъ и экономическое ихъ положеніе. Вся задача проекта сводится лишь къ мелкимъ частичнымъ поправкамъ дѣйствующихъ узаконеній о крестьянахъ и къ улучшенію этихъ узаконеній въ отношеніи изложенія ихъ и системы. Вслѣдствіе этого всѣ наиболѣе крупные недостатки существующей организаціи земельного строя крестьянъ, ихъ общественнаго управленія и суда не только не устраняются проектомъ, но, напротивъ того, во многихъ отношеніяхъ они представляются еще болѣе рѣзко выраженными въ проектѣ, чѣмъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ.

Между тѣмъ въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности собранъ обширный и богатый матеріаль, заключающій въ себѣ весьма цѣнные указанія и на существующіе недостатки дѣйствующихъ узаконеній о крестьянахъ, и на тотъ путь, по которому надлежало бы слѣдовать при пересмотрѣ этихъ узаконеній. Труды этихъ комитетовъ оставлены, повидимому, безъ всякаго вниманія составителями проекта, а между тѣмъ и по своему содержанию, и по составу лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, они заслуживаютъ иного къ нимъ отношенія. Въ составъ мѣстныхъ комитетовъ входили не канцелярскіе дѣятели и не теоретики, а люди практической жизни, близко стоящіе

къ крестьянамъ и тщательно изучившіе ихъ бытъ и потребности. Въ большинствѣ случаевъ членами комитетовъ являлись мѣстные предводители дворянства, земскіе начальники, уѣздные члены суда, члены земскихъ управъ и непремѣнные члены губернскихъ присутствій. Всѣхъ этихъ лицъ, въ силу даже служебнаго ихъ положенія, нельзя заподозрить ни въ тенденціозности, ни въ чрезмѣрномъ либерализмѣ. Если, однако, всѣ эти члены комитетовъ, ссылаясь на безспорные факты, указываютъ на настоятельную необходимость коренного измѣненія тѣхъ началъ, на которыхъ построены дѣйствующія узаконенія о крестьянахъ, въ виду крайне вреднаго вліянія, оказываемаго ими на хозяйственную дѣятельность и экономическое положеніе крестьянъ, то при пересмотрѣ этихъ узаконеній едва-ли возможно ограничиться лишь техническими ихъ поправками и изложеніемъ ихъ въ болѣе стройной системѣ.

Нужно поэтому надѣяться, что рассматриваемый нами проектъ подвергнется новой переработкѣ и что пересмотръ узаконеній о крестьянахъ будетъ произведенъ на иныхъ началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ назрѣвшимъ общегосударственнымъ потребностямъ.

СПОРНЫЙ ВОПРОСЪ РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА ¹⁾.

А. С. Алексѣва.

Вопросъ о формальномъ разграниченіи закона отъ другихъ повелѣній верховной власти остается еще до сего времени спорнымъ въ русской юридической литературѣ. А между тѣмъ ему посчастливилось болѣе, чѣмъ какому-либо другому вопросу: среди немногихъ монографій по русскому государственному праву ему посвящены статьи покойнаго Градовскаго—„Законъ и административное распоряженіе“, онъ же послужилъ темой для докторской диссертациі—„Указъ и законъ“ проф. Коркунова, который затѣмъ въ своемъ „Русскомъ государственномъ правѣ“ на длинномъ рядѣ интересныхъ страницъ повторилъ главные выводы своего изслѣдованія.

Но эти два выдающихся публициста пришли въ своихъ работахъ къ совершенно различнымъ выводамъ. Градовскій считаетъ отличительнымъ признакомъ законодательныхъ актовъ—Высочайшую подпись, по опредѣленію же проф. Коркунова, законъ есть велѣніе верховной власти, состоявшееся при участіи Государственнаго Совѣта ²⁾.

¹⁾ *Отъ ред.*—Не раздѣляя нѣкоторыхъ положеній почтеннаго автора статьи, мы печатаемъ ее въ виду большого интереса затрогиваемаго въ ней вопроса и его спорности. Ред.

²⁾ Русское государственное право; 4 изд. 1903 г. т. II, стр. 30.

